

ДМИТРИЙ ЗАХАРОВ

КОМИТЕТ

ОХРАНЫ МОСТОВ

Посмотри в глаза
чудовищ

Дмитрий Сергеевич Захаров

Комитет охраны мостов

Серия «Актуальный роман»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68620162

Дмитрий Захаров. Комитет охраны мостов: Издательство АСТ:

Редакция Елены Шубиной; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-152857-7

Аннотация

Дмитрий Захаров (р. 1979) родом из «закрытого» атомного города под Красноярском. Журналист, работал корреспондентом и редактором ИД «Коммерсантъ». Автор романов «Средняя Эдда» и «Кластер».

Его новый роман «Комитет охраны мостов» – это и книга ярости (именно она движет героями, чьи дети оказались в опасности), и книга Сибири (действие происходит в Красноярске, Новосибирске и Томске), но главное – это книга надежды: в ней хватает страшных, очень похожих на настоящие новостей – но всё же есть шанс, что у героев получится дать отпор страшной северной сказке и унять жажду крови Зимнего Прокурора.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Никита	6
Лучший дебют	6
Ласковая жопка	15
Зелёное небо над Кабулом	26
“Комитет” / Признаки побуждения	37
Серёгин	39
Земляк	39
Шумиха	50
Dark arts	66
Давид Гаглов / У неё такие глаза	83
Аслан	85
Владивостоки	85
Задрали	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Дмитрий Захаров

Комитет охраны мостов

© Захаров Д. С.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Роман-мемориал, капсула времени. Книга, необходимая сегодня русскому литературному ландшафту. Десятые запомнят как время безумных судов и людоедских сроков, время Зимнего прокурора, – благодаря «Комитету...» Захарова.

Алексей Поляринов

Горькая, честная, беспощадная книга. Умный и очень актуальный социально-психологический триллер.

Роман о Сибири – современной, настоящей и совершенно не похожей на землю исполины из казенного фольклора.

О чести и бесчестных условиях – и о цеховом братстве: несвежем, нетрезвом, продавшемся и утратившем смысл в снесенном цеху, но заставляющем героев стать сердцем общества, которое живет и бьется. Насмерть.

Шамиль Идиатуллин

* * *

*Любые совпадения с реальными людьми или
событиями – случайны,
но остаются на усмотрение Зимнего Прокурора*

*небо не так сине как глаза твои, Кантария, сини
спой мне, моя милая, что-нибудь из Россини
арию графини
с радио России*
Мария Степанова

Никита

Лучший дебют

Вагонный зад торчал из вокзальной стены, изображая то ли прорвавшийся в железнодорожную цитадель, то ли, наконец, из неё спасшийся состав. Зад был ладный, новенький, по-настоящему образцовый. Он не прорезал стену, а вливался в неё: никаких тебе трещин, отвалившихся кусков штукатурки, вообще следов разрушений. Вписался как родной. У красноярского РЖД всё такое и должно быть: приличненькое, аккуратненькое. Папье-машинное. В смысле, папье-машинское.

Но если вагон был здесь за своего, то сновавшие вокруг него люди – наоборот. Большинство из них наверняка и поездом-то последний раз ездили в каком-нибудь пионерском детстве. Платья с шуршащими юбками, костюмы-тройки и остроносые ботинки, даже галстуки. Хотя предупреждали, что без них. Два вице-губера, спикер ЗС со своей шушерой, мадам-зелёные-губы из ЦИКа, журналистское старичьё, заслуженное до дыр. А около всех этих чужих – пришельцы поменьше. Облепили муляж вагона, вертят телефонами, строят из себя композиции с патетично заломленными руками, встают в стойки, чтобы щёлкнуться в популярном жанре «Я

и прекрасное».

Никита не спешил влипать во всеобщий инстаграм. Он считал, что это пошло и глупо, а вагонный зад похож на детскую поделку из желудей. К тому же рядом с Никитой сидел Альф, и сбежать от него было не так-то просто – он весь вечер пробует лапать Никиту за ляжку. Это у него покровительственное, это он так говорит: «Не ссы, Никитка, заживём!» Альфред Селиванов, начальник информполитики Серого Дома, давно пробует взять шефство над молодым журналистским дарованием. И даже не взять, а предъявить это шефство, как гаишник удостоверение – привычным неуловимым движением. Другие бы радовались, а Никита всё хочет отгрызть себе ногу и ускакать хотя бы на одной. Нельзя, Альф – хороший источник. Даже слишком хороший. Вот сегодня он дал наводку на одного бывшего миноритария «Моста»...

– Наш регион – локомотив!.. – выкрикнули со сцены.

– Журналистика должна скреплять!.. – сообщили со сцены.

– Как сказали бы во времена легендарного наркома Долгих...

Это как раз заслуженные союзные говноеды. Какой Союз ни приоткроешь, их там кишмя кишит, так и лезут на свет. Никита и в обычной-то жизни смотрел на них с отвращением, а здесь и вовсе ёрзал от невозможности выносить этот позорный цирк. И в то же время он всё ждал, что кто-нибудь

из дедов обрушит его предубеждение и выступит с речью в защиту «комитетчиков». Хоть, может, два слова скажет.

– Наркома? Нихера, кандидата в члены! – каркнул над ухом Селиванов. – Вот старая сволочь, ничего выучить не может!

– Это ты им запретил про Баху говорить? – вдруг сообразил Никита.

– Я?! – всплеснул руками Альф. – Да ты внимательно на них глянь! Посмотри в их глазные прорезы! Видишь, там нет-нет да и пробежит такая рябь? Такая трясогузка внутренняя порхнёт, да? То есть в кишках всё ещё запрятан человек, который что-то там сучит гордо. Не до конца сквасился. Как я могу что-то запретить этому... высшему существу?!

– Обыкновенно, – Никита с неудовольствием следил, как подвыпивший Альф снова начинает широкоформатно юродствовать, – редакторам сказал, и кирдык.

– Редакторам! – Альф пустил это слово вперёд себя и даже подогнал его рукой. – Да им не нужны ссыкуны-рыдакторы, они сами себе ссыкуны...

Здесь он мог быть и прав.

– Скоро наш поезд отправится к новым остановкам, – зашелестело над залом, – просим пассажиров занять места за своими столиками!

Никто даже не обратил внимания на этот призыв. Праздничные делегаты продолжали лезть в зад поезду и раскладывать водочные бутылки во внутренние карманы пиджаков.

При этом передние карманы уже оттопыривались от яблок и светились апельсиновыми боками. Бутерброды оборачивались в салфетки и складывались яблокам на голову. И ещё что-то шуршало по пластиковым пакетам.

Стололазы Никиту тоже раздражали. Он привык, что рассовывание по карманам – стыдноватое упражнение, что-то навроде расчёсывания волос в носу. А тут оно почти показательное, с весёлыми перемигиваниями.

– Ничего-ничего, ещё попрыгаете за бутербродами, – пообещал Альф и почему-то вдруг запел: «Мы красные кавалеристы, и про нас...».

Никита решил, что это знак, и выскользнул из-за столика. Он бродил по залу, надеясь встретить кого-нибудь из добрых знакомых, но натыкался только на людей из новостных сводок. Приходилось признать, что его редактор был прав, когда удивился желанию Никиты пойти на награждение.

– Это же членжуровское мероприятие? – уточнил редактор Андрей и сам же себе ответил: – Членжуровское.

– Ну я же номинант.

– А, – сказал Андрей, враз уяснив причину похода и одновременно потеряв к нему интерес, – ну развлекись.

Сам он в прошлом году идти за лауреатской тарелкой не захотел.

– Не сумею удержать рожу, – пояснял он, – даже если промолчу, всё равно в какой-то момент скорчу им что-нибудь или заржу, когда они расставятся для целования. Кому это

надо? Мне – точно нет.

Никите же, честно говоря, побывать на награждении хотелось. Он понимал, что публика соберётся душная, но существовала вероятность, что начнётся разговор об истории с Бахой Гулиевым и «Комитетом» – всё же Баха журналист. А «Комитет» и взрыв моста, который ему шьют, – журналистское событие года, и других лет наверняка тоже.

А ещё внутри копошилась мысль: вдруг удастся уйти с «Золотым пером» на виду у этих ископаемых? Никита даже придумал, куда поставит «Перо» в редакции. И что скажет на награждении – тоже придумал.

Почему он уверен, что получать цацку именно ему? Ну, может, и не ему, конечно. Хотя вот Альф хмыкнул – мол, всё будет как надо. Посмотрим.

Вышла редактор «Нашего единого края». Благодарила. Рассказывала, что журналистика шагает вперёд. Новые форматы. Просветлённые молодые лица. В смысле, светлые. И забота со стороны наших шефов. От заботы не стоит отказываться. Спасибо!

Потом телеканал «Енисейский». Столько произошло за год, что мы не виделись. Впереди Универсиада! Есть что сделать для пропаганды края. И спорта. Ну, вы меня понимаете. Спасибо губернатору и президенту, что этот праздник для всего края возможен!

И сразу «АиФ на Енисее». Радостно, что можем обратиться. О событиях уже сказали коллеги. Это масштаб! Но есть

ведь и грустные стороны. А нужно, чтобы их не было. Не надо заикливаться на плохом! Прочь плохое с наших страниц! Происшествия с молодёжью из-за этого в том числе.

Вот сейчас, подумал Никита. Сейчас скажет.

Хрена с два. Регионально-патриотическое воспитание. Юные патриоты Енисейской Сибири...

Дальше можно было не слушать, и Никита пошёл к раздаче: взял каких-то канале, принёс их за стол и вывалил на тарелку. Есть не хотелось – нервы, наверное. Селиванов заботливо протянул пластиковый стаканчик с водкой – сам Альф пил тоже из одноразового, – Никита задумчиво из него пригубил.

На сцене по-прежнему болтали. Молодящаяся редакторша из «Горизвестий» рассказывала о благоустройстве набережной. Говорила, что это «пример реакции».

«Комитета» опять как и не было.

– Они что, все о нём промолчат? – спросил Никита, наклонившись к Альфу.

– Эти-то? – кивнул Селиванов в сторону заслуженных столиков. – Промолчат, а то как же. Я же говорю: высшие существа, сложная нервная деятельность. – Альф чокнулся с Никитой стаканчиком. – Дураков нет!

Ожидание тянулось столь же мучительно, как больничная физиопроцедура, на которой Никиту били в колено током. Наконец, неведомый машинист выдал протяжный гудок, и тут же на сцену взбежал человек в бежевом железнодорож-

ном кителе с красным шевроном и какими-то медалями.

– Надо им ещё за ранения нашивать, – прокомментировал Альф, которого происходящее – после бутылки в одного – похоже, изрядно веселило.

Никита посматривал на него с завистью.

На сцене состоялся неловкий конференс, похожий на тот, что всегда происходит на выпускных, проводах на пенсию и тому подобных бедах. Тётя в платье с блёстками сквозь растянутый рот выбрасывала в зал плохие рифмованные строчки, а её дурковатый напарник в промежутках шутил одобренные педсоветом шуточки про молодёжь.

Сначала награждали за вклад в краевую журналистику. Дали коллективу «Красноярского рабочего».

– Нельзя обижать конспирологов от сохи, – прокомментировал Альф.

«За бесперебойное обеспечение населения края свежими новостями» получил зам губера по внутренней политике. Альф только хищно поулыбался.

Потом – лучшее издание из районов. Лучшая многотиражная газета. Зэ бэст тиви чэнэл. Наконец, блескучая женщина проклокотала:

– Лучший дебют!

– И эндшпиль! – выкрикнул Альф.

Дама-ведущая в притворном смущении потупила глаза, как будто хотела сказать: ну какой эндшпиль, не при всех же!

– Наш дебютант мал, да удал, – включился железнодорож-

ный орденоносец. — Да вы сами на него посмотрите! Никита Назаров!

Альф похлопал Никиту по руке и что есть мочи засвистел.

Никита дёрнулся, вскочил, опомнился, что не надо бы излишне суетиться, пошёл медленно, потом ускорился.

— Герой расследовательской журналистики, между прочим! — неслось со сцены.

Пока поднимался, получил ещё два лишних похлопывания. Пожимание рук, пожимание, пожимание, обняли за плечи. Вот она, наградная тарелка. Вот микрофон.

Зал одобрительно, хоть и несколько тише, чем мечталось Никите, загудел.

Он поправил микрофон в стойке. Заслонился рукой от бьющего в лицо прожектора.

— Я тут ещё щенок по сравнению со многими, — сказал Никита и остановился, криво улыбаясь и отведя руку с растопыренной пятернёй в сторону — будто в желании продемонстрировать залу совсем короткую линию жизни.

Паровозные люди одобрительно загалдели, кто-то даже пару раз хлопнул. Никита в ответ покивал.

— Щенок, — повторил он, и вполне по-собачьи мотнул головой. — Два года в «Улице» гнал разную шнягу. Про ЗэЭс там, горсовет... Глубокий обход, Богучанка, газификация! Потом про «Мост»... ну, это я ещё сделаю. В общем, так себе, короче... Но про местные дела я кое-что знаю, да? Раз я лучший...

– Лучший! – экзальтированно завопили из зала.

– Вот, – согласился Никита. – Лучший, да? Тогда вот как лучший вам хочу пообещать... вот такой хрени, когда все лижутся в жопу и ебут друг другу голову, будто дела «Комитета» нет, будто прямо сейчас не пытаются сожрать ребят, будто у нас тут осталась какая-то журналистика, и нам только ордена друг другу вертеть... Вот этого всего не будет. Поняли?! – переспросил он у затихшего зала. – Вам кабзда!

Никита швырнул об пол наградную тарелку и под звон разлетающихся осколков ушёл со сцены.

Ласковая жопка

«Улица Ленина» была одним из тех борзых СМИ, которые когда-то водились в любом уважающем себя городе, не боялись ни бога, ни чёрта (тем более, что их обязанности зачастую совмещало одно ответственное лицо) и владели забытым ныне искусством не печатать на видных местах новости вроде «Команда Губернатора наметила пять добрых дел». Впрочем, теперь «Добрые Дела» уже будут, пожалуй что, тоже с заглавных букв.

Постепенно, ввиду унификации пейзажа, понятие «четвёртая власть» – с остановкой на кривую ухмылку – выпало из лексикона. А вместе с ней стало выпадать и то, что оно обозначало. Иногда ещё, бывает, и мелькнёт что-нибудь фрондёрское региональное, – но тут же окажется, что показалось. СМИ извинится, следственный комитет нахмурится, р-р-раз – и только пузыри по воде.

«Улица» была одним из последних напоминаний о том, как жить нельзя, – в том числе для коллег из разнообразных губернаторских новообразований, которые назывались теперь как стариковские воспоминания: «Наш единый край», «Красноярск-Верховный», «Молодость Енисея».

При этом «Улица Ленина» – три года назад ещё паблик во «ВКонтакте», а теперь портал на 250 тысяч «уников» в день – располагалась вопреки названию не на улице имени во-

жды, а на другой, с фамилией основателя Красноярска – Дубенского. В этом месте, конечно, было в разы меньше толчеи, чем на титульной центральной улице, да и вид с холма открывался совершенно невозможный: внизу сюрреалистический Дворец пионеров, башни коричневого замка Музыкальной академии, река Кача, обёрнутая новодельной набережной, и бонусом ко всему этому средний палец – вечный недострой-небоскрёб угольной империи.

Придя в «Улицу» студентом четвёртого курса, Никита как-то незаметно даже для самого себя соскользнул в штат, стал одним из первых репортёров, взялся вместе с редактором Андреем строить планы, как отъедать рынок у местных медиа. И на удивление – пошло-поехало.

Их заметили после материала об отравлении школьников на губернаторском балу. Серый Дом рекомендовал проходить мимо, но «Улица» отвязалась: репортаж с комбината питания вице-губернаторского сына, интервью с родителями пострадавших, стримы из инфекционки. Это тема сама себя продаёт, пожал плечами Андрей, глядя на цифры посещаемости; он не верил в «проснёшься знаменитым».

Собственно, тогда никто и не проснулся: так, погалдели, губернаторская пресс-служба попрыгала, – и улеглось. По-настоящему рвануло – с «Красфлайтом».

Главную краевую авиакомпанию держали два анекдотичных пузато-усатых мужчины, братья-близнецы с фамилией Давидсон. Какая-то шутка для третьего состава комеди-кла-

ба, говорил Андрей. Трудно всерьёз принимать сообщения, которые начинаются со слов: «Как заявили братья Давидсоны...»

Весёлые братья-пилоты закопали деньги авиакомпании в ООО с уставным фондом десять тысяч рублей и в несколько других похожих секретиков. «Улица» нарисовала схему владения этим садом расходящихся троп. С участием #первоовицегубернатораКК, #замглавыросимуществаРФ и #министратранспортаРФ.

В ответ выдоили только скучное многосерийное расследование на губернаторском канале. Автор сюжета, неловко встав боком к камере и прищурившись, цедил: «Граждане недружественной Украины проникли на территорию Красноярья не просто так. Если их задача не оборвать полёт авиации большого края, то что тогда?!»

Тогда сгорела машина бывшего крымчанина Андрея. Но Никита – по причине юной бессмертности – продолжал не обращать на это внимания. Ему тоже звонили и дышали в трубку, но казалось, что это игры в гляделки: тут важно, мы их или они нас.

Переглядели.

Трафик взлетел. С Никитой начали здороваться соседские алкоголики. А через два месяца пассажиров «Красфлайта» пришлось развозить всем остальным самолётошным – авиация большого края распалась на атомы.

Тут-то и возник Альф. То есть как возник – он был при-

мерно всегда, с советских времён определённо, – но теперь он возник около «Улицы». Прислал за Никитой официанта из «Чемодана» – с тортиком и приглашением продолжить гастрономические развлечения. «Чемодан» – место не то авторитетных сходов, не то тайной клубной жизни серых координаторов. Легендарный кабаk в двух шагах от губернаторского гнезда. Никита там, понятное дело, и не бывал никогда. Надо было воспользоваться моментом.

Альф сидел у барной стойки, всеми своими ста сорока килограммами вдавив табуретку в пол.

– А-а-а! – закричал он Никите как старому знакомому. – Никитка! Садись давай! Накатим!

Цены в баре были конские. Никита полистал ламинированные страницы меню, но в итоге отложил его в сторону.

– Это политика, – пояснил Альф, – чтобы разную шелупонь держать с той стороны двери.

– Клубная наценка? – поинтересовался Никита. Ему казалось, что с всемогущим Селивановым надо держаться независимо, лучше даже – нагло.

– Точно, – совершенно серьёзно подтвердил Альф. – У кого нет ста баксов на обед, могут отправляться в жопу! Вот у тебя теперь есть...

Ничего из этого его блицкрига тогда не вышло. Слишком уж Альфа было много и сразу. Да и не хотел Никита сто баксов, он хотел быть Вудвордом и Бернстайном, на худой конец – Александром Глебовичем Невзоровым.

И хотя многие коллеги Никиты поплыли уже на первом свидании с Селивановым, Никита остался с тем же, с чем пришёл. Наезд со стороны Серого Дома не последовало, Никита продолжил писать репортажи для «Улицы». У него даже не забрали расследования. Альф же попросту не признал поражения. Он продолжил общаться так, будто их сделка состоялась, и из кармана Никиты теперь всё время торчат те самые сто баксов на обед.

Будь Никита поумнее, он бы попробовал разузнать, что Селиванов хотел в обмен на эти баксы. Но он сделал вид, что «чемоданного» эпизода просто не было.

Никита ещё только одной ногой шагнул в традиционно орущий на разные голоса ньюсрум «Улицы», как тут же был пойман за руку Андреем.

– Пойдём-ка, – повёл он лучшего дебютанта в свой – собственно, единственный в редакции – отдельный кабинет.

Здесь было сумрачно, стёкла закрывали плотно сжатые жалюзи, по редакторскому столу гарцевал целый зоопарк канцелярских зверей. Особенно опасно смотрелся крокодил-дырокол с одним недобрым глазом. Андрей рухнул в своё огромное кресло и уставился в монитор. Никита отметил, что над ним теперь вместо фотовиньетки «Оленегархи края» – с авторитетными бизнесменами – висит набранный радужными буквами плакат «Человек из окон».

– Что ты там устроил? – поинтересовался Андрей, парал-

лельно печатая на клавиатуре. – Из мэрии звонили. Пожар, говорят, караул! Сорвался с цепи и кусал людей. Я им говорю: ничоси! А они опять... Ты зачем к ним вообще пошёл?

От такой наглости Никита обалдел.

– Я же тебе говорил, что Таня послала за наградой!

– А-а-а, – не отвлекаясь, почесал подбородок Андрей, – ну да, премия... Татьяна, знаешь, Михайловна порадуется. Поздравляю! – вдруг объявил он с нажимом.

– Спасибо, – хмыкнул Никита.

– Опять из-за своего дружка-азера, да? Не терпится составить ему компанию? Ты же понимаешь, что теперь всем прилетит?

– А нормально журналистов на зоны подсаживать ни за хер?

– Ну, теперь ты проорал – ему станет легче! А ты запомнишься в веках.

– Слушай, ну ладно уже!

– Ладно, – согласился Андрей, – ладно-ладно. Даже ладно-ладно и сверху леденец на палочке, если ты мне сейчас скажешь, что у тебя есть текст. Seriously, есть?

Текста не было. То есть он в каком-то смысле был, но точно не в том, к которому готов Андрей. Никита копал «Полярный мост» – циклопический краевой проект ценой в два триллиона – уже два месяца. И это только с момента, как пустил побоку другие лонгриды и почти выключился из сбора новостей.

Идея прошлого губернатора запустить кроссполярные перелёты через Красноярск в Северную Америку была подхвачена и нынешними управителями. Сеть аэропортов по всему краю. Иностранные авиакомпании – в очереди на пролёт. Мы сидим, а денежки идут. Премьер приезжал на местный экономический форум благословлять. И ещё наверняка придет, когда нужно будет ленточку или кнопочку.

И всем норм. И только Никите – ни хрена.

– Можешь мне сказать, что у тебя есть хотя бы два авторизованных источника?

– Два есть, – отозвался Никита. – Ну... один не знаю, может, не захочет светиться...

– Ты из-за этого «Комитета» совсем отцепился от паровоза, – сообщил Андрей, разглядывая хмурую физиономию Никиты, – и куда-то чух-чух, чух-чух. Ты думаешь, Таня тебя всё время будет отмазывать? Или думаешь, я буду бегать по кабинетам – вертеть ласковой жопкой?

– Да ничего я не думаю, – поморщился Никита. Образ Андреевой вёрткой задницы проявился у него в голове слишком ярко.

– Слушай, вернись в мозолистые руки товарищей, – посоветовал Андрей. – Тут полыхает со всех сторон: макет новый пилим, Школа молодого журналиста с нового года начнётся, а ты там читаешь. Материалы сами собой тоже не напишутся. Взялся за гуж – давай своё разоблачение века уже. Я серьёзно, Ника.

Никита кивнул.

– Слушай, ну через неделю постараюсь первую часть выдать.

– Не надо вот этих одолжений, ладно? Текст на бочку.

Никита ещё покивал и поплёлся к выходу.

– Ты опять куда-то намылился?

– Я сейчас позвоню в пару мест – и на «solidarity».

– Куда?

– Сегодня же в «Че Геваре» сбор для «комитетчиков» и тех, кого замели на митингах поддержки.

– А-а, – сказал Андрей, скривившись, – ну давай-давай.

Журналистская солидарность в его понимании – это что-то вроде ветрянки: детское, а взрослым главное – не расчёсывать, а то будешь глупо выглядеть. А за Баху Гулиева, говорил, пусть свои ходят митинговать. «Мальчик из хорошей семьи», – иронически приподнимал бровь Андрей, давая понять, где он эту «семью» – азербайджанскую диаспору – видел. А что у Бахрама из семьи только мать-швея в Филармонии – пополам.

Ну пускай Андрей кривится. Ему идёт.

Никита немного пошатался по редакции: затеял левый трёп с выпускающим про дохлых жирафов в «Роевом ручье» (за неделю померли ещё два), включил-выключил комп, сходил покурить с верстальщицей, ещё разное по мелочи. Но всё это был просто ритуал, что-то вроде затяжного рукопожатия, никакого практического смысла в этих действиях не

содержалось. Можно было сделать ещё пару кругов или обсудить что-нибудь умеренно бесполезное с Андреем (вот тот же макет, например), но Никита решил, что лучше пораньше окажется в «Геваре». Глядишь, с кем-нибудь нужным удасться перетереть.

Вышел, никому ничего не сказав, сел на автобус-«двойку» и нестерпимо долго ехал – можно сказать, шагал – через Стрелку. Перед Музакадемией всё вообще встало минут на десять. Маршрутки впереди выдыхали чёрные облака в нос списанному немецкому автобусу, в котором Никиту заперли с другими «двоечниками». Водила врубил по радио приторное восточное улюлюканье. Саундтрек для Бахи, подумал Никита.

Вышел на «Агропроме» и пошёл пешком. Тут уже не так далеко, а пробки достали.

К ботинкам всё время липли мокрые опавшие листья. В этом году их особенно много – как будто деревья спустили с себя две шкуры. На Красной площади прошёл мимо мужика, державшего плакат «Партия мёртвых»; лицо его было едва различимо за бородой и копной грязноватых седых волос. Интересно, подумал Никита, какую партию он имеет в виду? Они же так-то все мёртвые. Или он про поставки? В смысле, новая партия дохленьких. Кто бы это мог быть?..

Размышляя о достоинствах мертвяков перед зомбированными, он постоял, пропустил подряд три троллейбуса, будто бы накрепко привязанных друг к другу. Перешёл, снова пе-

решил и оказался почти перед самым «Баром солидарности с борцами против агрессоров мирового империализма», как было набрано бегущей строкой на фасаде «Гевары» – поверх неонового контура Острова Свободы.

Здесь традиционно толклось много разной, всё чаще мелкой местной живности. Вот и в этот раз из толпы людей в плохих шляпах вынырнул Олень – музыкант из «Саквояжа говна». Его, как и многих тусовочных сородичей, по первоначальному шухеру тоже обняли следкомовцы, но, пожевав, всё же выплюнули. Для Оленя это происшествие имело далеко идущие последствия – ещё в СИЗО ему напрочь оторвало и без того плохо пришитую к реальности башку. Теперь Олень только и делал, что носился по городу, пересказывая параноидальные слухи – иногда более-менее настоящие, но большей частью накипевшие под его вязаной шапочкой.

Вот и сейчас он моментально притёрся к Никите и зататорил:

– Второй пацан, Юрасик этот, во всём сознался. Да-да, Ника. Теперь совсем огого-эгегей.

– В чём «во всём»? – спросил Никита, слегка поморщившись. Олень, как и прочие психонавты, ему надоел.

– Во всём! Организации, там, подготовке к минированию... будто он ездил специально смотреть, где лучше подложить под опоры.

– Под какие опоры?

– Ну так моста. Четвёртого. Мост, говорит, хотели бабах-

нуть! – Олень показал прорежённые зубы. – Четыре кило тротилового эквивалента!

– Какого эквивалента?!

– Сухого, – значительно пояснил Олень и невесело рассмеялся, – сейчас весь эквивалент сухой. Если не обоссешься. Этому чуваку, Юрасику, пальцы на руке обстригли, слышал? Когда тебе отгрызают пальцы, ты и сам под мост заложишь...

Никита помотал головой и решительно вошёл плечом в барную дверь. Он решил, что Оленя опять взяли в плен галлюцинации. Он не поверил в отрезанные пальцы.

Зелёное небо над Кабулом

Никита пересёк предбанник «Гевары», оформленный под оборонительную линию: как бы мешки с песком, как бы дощатые стенки окопов, как бы ящики-хаки. И шарики-шарики-шарики. С чёрными оттисками реквизитов сбора и групп в соцсетях.

Раздеваться не стал – однопуговичное лёгкое пальто можно и оставить, – прошёл мимо шариков, похлопав пару из них по дутым бокам. Заглянул в ростовое зеркало: кеды бело-синие, заляпанные, брюки серые в оранжевую клетку, рыжий мохнатый пиджак, наглая кудрявая морда – всё в комплекте.

Нырнул в главный зал. Полутёмный, с яркими пятнами подсвеченных армейскими фонарями столов. Будто у Пелевина в «Чапаеве» подсмотрели, мелькнула в голове мысль, костры барона Юнгерна прямо.

Прошёлся по этим кострам – отразиться для общих знакомых. Встретил чуваков с ТВК, с «Примы», из губернаторской пресс-службы – эти непонятно, то ли правда топят за арестантов, как все, то ли пришли пошпионить и записать, кто что. А может, ещё не определились, у них бывает. Внезапно наткнулся на Аньку Сазонову – она работала продавцом в «Улице», пока не соскочила в рекламное агентство. У них даже был однажды пьяный поцелуйный разговорчик,

чуть не перешедший в. Но всё же, кажется, не перешедший.

– Привет, – помахала Анька.

Никита кивнул и подплыл.

– Чо-каво? – спросил он.

Анька и вторая девчонка – пепельная блондинка в странном чёрном комбинезоне с бахромой – кивнули.

– Ника, это Лена Ружинская. Лена, а это наш Ника, – представила его Анька, – журналист года, рыцарь без страха, но, блять, упрёков к нему...

– А что там с упрёками? – заинтересовалась Лена, пожав Никитину руку – Никита даже сходу не сообразил, на мужской или, наоборот, на такой с претензией феминистский манер.

Она была очень высокой, на полголовы выше Аньки, а та хвастала, что в ней полные 175 см. Глазищи. И волосы, конечно. Как будто Лена эта взаправду состарилась, только не у нас, а например в Германии, заделалась совсем благородно седой с парой зелёных прядок, а потом её переделали обратно в девчонку и послали к нам. Зачем? Зачем они, кстати, всех их к нам засылают?..

– Враги завидуют, – сказал Никита и чуть не скривился. Что за кринж, а?

– Ага-ага, – залыбилась Анька, – ему никаких врагов не надо, он сам себя может проебать, если так бухать продолжит.

– Прямо «так»? – кажется, одобрила Лена.

– Я же говорю, враги, – продолжил гнуть идиота Никита.
– Так-так, – настаивала злопамятная Анька.

Никита пожал плечами и уже хотел пошутить что-нибудь и в адрес Сазоновой, раз она пошла с козырей, – но на сцене как раз началось шевеление. Парень в коричневой жилетке, заляпанной фиолетовыми листьями, вышел постучать в микрофоны, а потом собрал несколько фигур из пальцев для невидимого звукорежа и осветителей. На зал тут же упал фиолетовый разрежённый свет, а костры светильников зажглись ещё ярче.

Парень дематериализовался, а его место занял уважаемый телеведущий. Он заговорил эмоционально и сбивчиво. Пересказал историю митингов, отвлёкся на собственный эпизод в ИВС по зиме, послал «лучи проклятия губернаторской стае».

– Я на своём опыте убедился, насколько у нас вывернутая система правосудия, – сообщил он. – И те, кого схавали на митинге... Их схавали потому что мы, многие из здесь сидящих, никуда не вышли! Поэтому будет по-честному выкупить ребят. Как написано у классика – сдавайте валюту!

В этот момент Никиту схватили за руку и шёпотом сообщили, что он уже через одного. Он кивнул.

Поднимаясь на сцену, Никита подумал, что теперь только и делает, что на неё поднимается, – как бы в привычку не вошло. Завёл руки за спину, собрал из себя Виктора Цоя.

– Вы видели зелёное небо над Кабулом?! – поинтересо-

вался Никита.

Народ в зале смотрел непонимающе, и только какой-то пьяный идиот выкрикнул:

– Как сейчас помню!

Никита усмехнулся.

– Зелёное небо, которое начинено колото-режущими?

Народ ошалело наблюдал за сбрендившей надеждой журналистики.

Никита усмехнулся ещё более дико. Теперь он был похож уже не на Цоя, а на Олега Гаркушу, расплывшегося в сладостно-чеширской улыбке.

– Здесь же многие знают Юру Ревина, он звуковиком был в «Доме кино»? Ну и если сами не знают, то ходили на «Радио Чё», которое он придумал. В общем, мы думали, что знаем Юру. А Юра – не Юра! Он – зелёное небо над Кабулом! Он – организатор террористического сообщества! А кто тогда это сообщество? Так мы с вами – это сообщество. Запрещённая организация. Сейчас многие усмехнутся, что такой организации нет, что за бред. Какое небо Кабула? Почему зелёное? Так и «Комитета» никакого нет! А Юра, Бахрам и остальные синеют в камерах. Это не бред? У Юрки руки – кровавая каша «сопротивления при аресте», палец могут отнять или даже уже отняли. А мы сидим «аперольчик» тянем. Вкусный «аперольчик»-то? А? Не хуёво вам от этого? Мне – охренеть как хуёво. Если мы, дорогая организация, больше ничего не вывозим, то сбросьте ребятам хотя бы на лекар-

ства. Я ставлю второй донат.

Он достал смартфон и, уже ничего не говоря, некоторое время в нём копался. В зале несмело похлопали – не чересчур ли? Губернаторские, понятно, воздержались.

Никита, наконец, закончил с донатом, прыгнул со сцены и, ни на кого не отвлекаясь, ушёл курить на улицу. Там опять сильно дождило, и в мокрой темноте проплывали похожие на раскисшие подушки силуэты маршруток. Никита поймал себя на том, что в животе голодно посасывает от выступления. Неприятно так, чего-то нехватаяще. Надо завязывать с этим, правда.

Выглянула давешняя Лена. Огляделась, выбрала цель и подобралась к Никите за огоньком – запалила худую сигарету.

– А ты ничего зажёг, – говорит.

Никита пожал плечами.

– Про «аперольчик» – педерастия, конечно, но вообще – огнище, – продолжила Лена. – До дома меня проводишь.

Никита удивлённо приподнял бровь. Лена же как ни в чём ни бывало похлопала его по руке и отчалила. Куривший рядом народ всё это, конечно же, слышал, и теперь поглядывал на надежду краевой журналистики с куда бóльшим интересом, чем раньше. Нормально так.

Внутри подрулил давешний телеведущий.

– Старик, отлично выступил.

Никита поблагодарил – и за, и вообще тоже. Седой ма-

ленький телеведущий в квадратных очочках – мистический близнец рыжего гиганта Селиванова. Только добрый. Или просто плохо информированный, как наверняка сказал бы сам Альф. Никита каким-то чудом умудряется дружить с обоими. Ну, как – дружить...

Никита отвлёкся, вновь заметив Лену. Она тусила за столом каких-то незнакомых быдломальчиков, раскладываясь на плече одного из них... Никита сообразил, что теперь, после приглашения на проводы, его это прислонило, хотя ещё три часа назад он вообще не знал, кто эта Лена такая и зачем нужна.

А про проводы, кстати – это, может, просто шутка, подъёмка такая? Или она серьёзно? А то раззинулся тут. Но надо всё же проверить. Глупо отказываться. Или глупо – наоборот?

Послonyaвшись туда-сюда, Никита убедил себя, что с Леной не светит, и правильнее будет свалить. Мавр сделал своё дело, дальше тут могут и сами, настроения всё равно нет. Подговнила же Сазонова...

Он снова взялся преодолевать боевые рубежи и «Гевары», теперь уже в обратном порядке, стараясь всем попадающимся на пути отвечать односложно, а то и просто махать.

На последнем рубеже как ни в чём не бывало перед зеркалом стояла Лена.

– А я думаю: когда же тебе надоест строить последнего героя, – сказала она Никитину отражению.

Никите захотелось ответить что-нибудь резкое и остроумное, но пять отпущенных на экспромт секунд истекли, а в голове по-прежнему вертелись только «Мы красные кавалеристы, и про нас...».

– По пути допридумаешь, – сказала Лена, – пойдём.

И самое интересное, что он пошёл.

Перед входом их неожиданно срезал квадратный мужик, похожий на Никитино школьного физрука. Только физрук стригся ещё короче и запах от него давал о себе знать куда раньше.

Квадратный, под большим открытым зонтом, неприязненно уставившись на Лену с Никитой, двинулся прямо к ним. Никита на автомате вылетел ему наперерез, хотя мысль о том, что это последнее осмысленное (осмысленное ли?) движение в его жизни, промелькнула сама собой.

Квадрат, вопреки ожиданиям, остановился – и посмотрел мимо Никитино плеча.

– Костя, меня проводят, не надо публичиться, – слышалось из-за спины.

Квадратный чуть отпустил неприязненную гримасу, не глядя протянул зонт Никите и свалил в дождь.

Никита сглотнул.

– Это твой кто? – поинтересовался он у Лены.

– Тайный поклонник устроит? А бывший муж если? Или вот: заботливый брат?

– Как-то много за раз заботливых мужчин.

– Господи! Ну, бодигард это, папочка не забывает.

– Бодигард? – повторил Никита. И вдруг сообразил. Лена Ружинская. Ружинская Лена. Елена Владимировна, что ли?

– Доехал? – с усмешкой осведомилась Ружинская, которая с удовольствием наблюдала за Никитиным прозрением. – Ну, дочь, да.

– Фига себе, – сказал Никита.

Владимир Ружинский – никелевый олигарх и сбрендивший затворник – в этот момент наверняка посмотрел на него как на говно.

– Ну что? – спросила Лена. – Ты едешь или как?

Он ехал.

У дочери Ружинского повседневным транспортом работал «Ровер». Тюнингованный, в три оттенка красного, но всё же вполне обыкновенный. Никита-то и «Майбаху» бы не удивился.

Лена считала разочарование – и зло, по-лошадиному показав зубы, усмехнулась. Она вообще читает по нему слишком много, с неудовольствием отметил Никита. Как-то надо... как-то не так надо, короче.

– «Порш» случайно скурился, – пояснила Ружинская – а новый подгонят только завтра к 12. Бери, что дают, и беги домой, пока автобусы ходят, называется.

Она впрыгнула на водительское место, и Никита заозирался, стараясь понять, куда делся охранник. Сзади что ли

сядет? То-то будет интим.

– Он потопает по следам, – снова превентивно среагировала Лена, – у нас нет нехватки авто.

Никита согласно кивнул и забрался на пассажирское. По сравнению с отодвинутым назад – под гренадерский рост хозайки – водительским, оно, можно сказать, уютно приткнулось к самой приборке.

– Можешь пристёгиваться, можешь не пристёгиваться, если что, лишнюю голову возьмёшь в багажнике, – предупредила Ружинская. – Я катаюсь быстро.

И она снялась с места.

Вот это вот «быстро» – это она пошутила. Она, похоже, много шутит. Дело было не в том, что машина Ружинской двигалась быстро. Просто её бросало вперёд и вбок настолько внезапно, что Никита захотел пристегнуться ещё одним ремнём. А лучше – двумя.

«Ровер» то пытался втиснуться между авто на совершенно пустой дороге, то почти слезал на обочину, то разгонялся как бы не под 150 перед самыми камерами на Киренского. Так можно было бы вести, если бы параллельно шла игра, ну, например, в «Halo», и нужно было прятаться от обстрела сверху. Никита вжался в кресло и пытался сообразить, что новая знакомая принимает, если её так таращит. Ружинская, которая краем глаза фиксировала его ужас, довольно жмурилась.

Хоть Никита и был в полном сознании, форсаж по городу

ему потом запомнился только как серия цветowych вспышек. Ружинская вытанцовывает колёсами на Копыловском мосту, красный «Ровер» рыскает, перепрыгивая из левой полосы в правую. Дождь перешёл в снег. Машина влипает в него, прорывается сквозь него, как сквозь простыню или привидение. Несётся по тёмной пещере улицы Киренского. Ружинская смеётся. А ещё она закрывает глаза. Всего на секунду: раз. Но она делает это как знак, как определяющий элемент её папе-назло-вождения.

Ее глаза как бирюза, её глаза как тормоза. А потом всё успокаивается, как будто никаких глаз здесь и не было. Только выставленные вперёд остро отточенные ресницы. А машина – если это всё ещё машина – идёт на автопилоте. То есть ею рулит не синеглазая-закрытоглазая Лена, а кто-то совершенно другой, безглазый и безгласный дядька, ветеран каких-нибудь мировых битв, от которого осталась только перетянутая ленточкой коробочка в самом жерле красного космического «Ровера». Он ведёт как навигатор Хэрберта, обожравшийся спайса. И машина под его фантомной рукой лязгает, накреняется, силится сорваться на сверхсветовую, но всё равно держит курс.

А потом Ружинская открывает глаза – и «Ровер» приземляется где-то за Академгородком.

Шлагбаум поднимается сам – то ли по транспондеру, то ли охрана просто знает красный «в лицо». Закрытый коттеджный посёлок. Двухэтажный тёмный дом с одним простре-

лом горящего окна. Другая машина шуршит сзади – не отцепилась даже во время автоплясок Ружинской. На фоне окна – тень с зонтом, так себе уместным в снег. Видимо, ещё один заботливый мужчина.

Лена катапультируется первой.

– На сейчас закончили, – говорит она теням: и оконной, и той, что наверняка выпросталась из шуршания сзади. – Бай-бай, бэйби. Я сама умею потрахаться, ваша помощь мне в этом не нужна.

Никита открывает дверь.

“Комитет” / Признаки побуждения

Изъятие из психолого-лингвистической судэкспертизы АНО «Союз экспертов “Контент”», Красноярск, по запросу СО СК по Красноярскому краю в отношении НПО «Комитет» (орфография и пунктуация сохранены):

Исследование:

(объект 1) политическая программа «Объединения “Комитет”» на 2-х листах;

(объект 2) устав НПО «Комитет»;

(объект 3) проект решения Совета депутатов «Комитета» на 1-м листе;

(объект 4) распечатка с надписью «Есть Путин – нет России»;

(объект 5) распечатка с надписью «Губернаторскую шайку – геть!»;

(объект 6) распечатка с надписью «Ад Наш!»;

(объект 7) распечатка с надписью «Четвёртый срок Деда – смерть народа»;

(объект 8) распечатка с надписью «Сотни филиалов Кушёвки. Сахар в подвале хрущёвки»;

(объект 9) распечатка с надписью: «Комитет освобождения России от оккупации. А ты с нами?»

[...]

Выводы:

1. в представленных материалах имеются лингвистические и психологические признаки имплицитно выраженного оправдания насилия для свержения существующей власти в России, а также высказывания в которых содержатся признаки искомого значения, а также описание коммуникативной ситуации и указания авторства [...] в частности признаки отражает фраза А. С. Конькова (объект 4) «пора покончить с этой странной политической моделью».

2. в представленных материалах имеются лингвистические и психологические признаки побуждения (в том числе в форме призыва) к применению насилия для свержения существующей власти в России... высказывания в которых содержатся признаки искомого значения, а также описание коммуникативной ситуации и указания авторства [...] в частности фраза (объект 5) «как будто мы поём: “в лесу родилась ёлочка”» – имеет в своей основе признаки кодированного призыва присоединяться к вооружённому партизанскому движению.

Серёгин

Земляк

Иркина подруга была ничего, но эти кожаные штаны... Кожаные штаны вообще никому не идут. Их какие-то пидоры придумали носить для смеху, а потом другие пидоры решили, что это всерьёз. И вот теперь смотри на девок в этой дряни.

Во сне Серёгин чувствовал эту болезненную неуместность кожаных штанов ещё ярче, ещё пронзительнее, чем в обычной жизни. Его тянуло как-то скомкать это всё, отвернуться. Или передушить всю секту кожанощтаных пидоров разом. Об Иркиной подруге он почти забыл, хоть она и крутила призывным задом на ближнем плане.

Серёгин проснулся, дёрнувшись, словно от удара полицейским шокером. В комнате было темно и тревожно. Он бросил взгляд на часы, вздохнул и снова рухнул в подушку. Можно попробовать закрыть глаза и сделать вид, что сон продолжается... или нельзя... сука!

Зазвонил телефон. Причём не голосом легитимного будильника, а дав трель входящего вызова. С незнакомого номера. В 8:43 утра.

Серёгин вызов сбросил.

Теперь уже можно было даже не мечтать заснуть, и он сел на кровати, стараясь сморгнуть что-то болезненное в правом глазу. Надавил на глаз, помассировал – ничего не меняется.

Серёгин дотянулся до тельца телефона, безжизненно повисшего на длиннющей макаронине зарядного провода. Посмотрел, что падало в личные сообщения соцсетей – ничего интересного. Сунулся в две из шести почт – спам, мать прислала статью про новые чудодейственные пилюли, два отказа по собеседованиям. Ну ок.

Встал и включил свет. Господи, что же так по глазу-то, а? Почти бегом отправился в ванную: сначала долго тёр глаз холодной водой, а потом залез в душ, включил тёплую и минут 15 массировал затылок. Очень редко – в одном случае из пяти – это помогает. Но, конечно, не сегодня.

В whatsapp он обнаружил сообщение со ссылкой на бывшего однокашника Сеню. Мол, есть интересное предложение. Серёгин поморщился. «Интересное». Ещё «интересненькое» напиши.

Он открыл Телеграм – просмотрев вчерашнего поста про вице-губернаторскую жену было за четыре тысячи. Хорошо качается канал. Может, хоть он станет утешением к старости. Если до неё удастся доковылять.

На кухне было грязновато: по столу крошки, в раковине мокнет вчерашняя, а может, и позавчерашняя посуда.

– У нищих слуг нет, – вслух сказал Серёгин, и ему пока-

залось, что вышло как-то сипло. Простыл что ли опять?

Он достал из холодильника сырок, понюхал его и, решив, что всё же не стоит, зачем-то вернул экс-еду обратно. Ну, значит, сосиски. Сосиски точно есть. И надо бы кофе поставить.

Снова зазвонил телефон. Опять с незнакомого.

Серёгин вздохнул.

– Ну, – сказал он мрачно.

– Алексей? – бодро поинтересовались в трубке. – Здравствуйте. Мне Арсений Качаев дал ваш телефон.

«Интересненькое», – догадался Серёгин.

– У меня товар, у вас – купец, – весело продолжал неизвестный, – то есть это вы – купец... если согласитесь. А я не сомневаюсь, что согласитесь.

Не сомневается он, ну-ну.

– Слушайте, – сказал Серёгин, – я не люблю тянуть кота. Давайте к делу, а смехуёчки – это вы с Сеней лучше раскурите.

Незнакомец ещё более радостно рассмеялся.

– Это хорошо, что вы – серьёзный человек, Алексей, – одобрил он. – Я тоже обычно серьёзный. Значит, обсудим.

– Я на «Глазном» живу, – предупредил Серёгин, сразу давая понять, что сам он никуда не поедет.

– Я в курсе, – со смешком ответил звонивший.

Серёгина аж передёрнуло от этого фээсбэшничанья.

– Ну да, а так-то я секретный бобёр, – сказал он сам себе,

бросая трубку на диван.

У него вдруг испортилось и без того отвратительное настроение. Серёгин с ненавистью посмотрел на грязную пепельницу, исцарапавшую полировку столика, и еле сдержался, чтобы не отправить её левым хуком в стену.

Вместо этого он пошёл на балкон курить. Холодно было адски, в комнату он вернулся уже совершенно окоченевший.

Гость объявился через 22 минуты. Это был плотненький, обшитый приличным костюмчиком, а сверху сдавленный приличным пальтишком азер, кучерявый, с заносчивой улыбкой превосходства на лице.

– Меня зовут Шахлар, – объявил он с помпой, только войдя в коридор, будто это само по себе должно было что-то значить.

Серёгин только чуть недоумённо приподнял бровь.

Потом-то он посмотрит в «Яндексе», и вспомнит, откуда должен знать это имя. Личный адвокат Магсумовых, поверенный в делах убитого два года назад наследника строительной империи. Непростой такой человек. Очень непростой.

– Ну, меня вы и так знаете. Проходите на кухню.

Шахлар отрицательно покачал головой, и его улыбочка от этого движения стряхнулась с лица.

– Здесь разговаривать не надо, – сообщил он, разглядывая свалку тапок в углу серёгинского коридора, – давайте спу-

стимся – я знаю, где можно пообщаться, а заодно и позавтракать. Дело щекотливое, лучше в проверенном месте.

У него был странный, какой-то шпионский акцент, будто Шахлар его включал специально, хотя вполне мог бы говорить и нормально. Вот это вот «луцшые», «секотливое».

– Да мне и тут хорошо, – пожал плечами Серёгин, – хотите говорить – пойдёмте на кухню.

Шахлар ничего не ответил. Он ждал.

– Я не поеду, – упрямо повторил Серёгин.

– Знаю, – понимающе кивнул Шахлар, – поэтому мы пройдемся пешком. Слушайте, Алексей, бросьте уже ломаться. Год сидите без работы, а у меня для вас есть... Вам название «Академстрой» о чём-нибудь говорит? Вот я оттуда.

Шахлар так и не прошёл в квартиру, остался ждать на пороге, пока Серёгин натянет джинсы и выудит из шкафа наименее помятую клетчатую рубаху.

Они вышли вместе и действительно пошли пешком даже лифт вызывать не стали. С другой стороны, а чего его вызывать – четвёртый этаж.

Молчали. О чём думает азербайджанский гость, сказать было трудно, а вот Серёгин думал об «Академе». Он работал в этой конторе много лет назад, когда никакого Шахлара там ещё не предполагалось. И это было довольно странное место. Формально – стройкомпания, но про «Академ» сразу хотелось добавить: «а на самом деле...». Проблема в

том, что́ этим «самым делом» считать. Холдинг занимался торговлей, причём о её характере Серёгин имел самое смутное представление. Вроде бы какой-то трубопрокат в Челябинске. Или, может, в Кургане. Везли и продукты: периодически на складе можно было обнаружить мороженые окорочка, израильскую чечевицу в коричневых банках, стиральный порошок с надписями на неизвестном языке. В какой-то момент переправляли старый списанный Ту-134 со снятыми частями крыла. Запчасти с великанских механизмов – кажется, роторных винтов.

Ещё выполняли просьбы краевой администрации. Обустроить музыкальную школу или там загородный коттедж. Но как раз это ничего удивительного – кошельком красноярской власти много кто в отрасли подрабатывал.

– И чем сейчас занимается «Академ»? – спросил Серёгин уже на улице.

Шахлар сощурился, как от яркого солнца, хотя никакого солнца и в помине не было – город снова затянул смог.

– Строит в основном.

– В жизни не поверю.

– И правильно.

Зашли в «Майк и Молли» на первом этаже «Дома поэтов». С тех пор, как это здание начали строить 15 лет назад (за это время два девелопера, поймавшие недострой в общей конкурсной массе, приказали долго жить), Серёгин всё поражался, кто придумал это издевательское название. Понят-

но, что никаким поэтам, даже самым красноречивым – если бы они водились в Красноярске, – новая квартира в монолите бы не отломилась.

– И это ваше секретное место? – скептически поинтересовался Серёгин, разглядывая сквозь стекло запружённую машинами утреннюю улицу.

– Я не сказал «секретное». Я сказал – проверенное. Вы, Алексей, могли бы, например, задуматься, что кафе открывается в полдень, а мы вот, тем не менее, уже в нём сидим. И больше – никого.

Действительно. Серёгин так отвлёкся на воспоминания об «Академе», что пропустил этот простой, но эффектный поворот.

– А завтрак-то дадут? – забеспокоился Серёгин, которому очень хотелось есть. – Или мы с вами будем говорить вприглядку?

– Дадут-дадут, – усмехнулся Шахлар, – всё без обмана.

Почти сразу принесли яичницу с сосисками, свежие булочки и нарезанные дольками алые помидоры.

Дождавшись, пока тарелка Серёгина потеряет большую часть ассортимента, азербайджанский гость наконец заговорил.

В основе разговора лежало дело «комитетчиков». И даже конкретного «комитетчика» – Бахрама «Бахи» Гулиева.

– Мы хотели бы ему помочь, – пояснил Шахлар.

– Ну так помогите, – кивнул Серёгин, размазывая по бу-

лочке джем, – в СИЗО очень кисло, можете не сомневаться. А тут вы. Ковры там, финики. У вас есть хорошие финики?

Шахлар улыбнулся.

– Мы хотели бы помочь иначе.

– И иначе можно, – согласился Серёгин. – Диаспора у вас серьёзная, люди уважаемые. Может, даже и условный выкружите.

Гость сложил пальцы в замок и подпёр этой конструкцией подбородок.

– Вы нас переоцениваете, – сказал он, – терроризм – это серьёзно.

– Терроризм – может, и серьёзно, а то, в чём обвиняют этого мальчишку...

Шахлар покачал головой.

– Это неважно. Статья тяжкая, не отбить.

– Вам виднее.

Посидели некоторое время молча. Серёгин жевал булку, запивая чаем. Здесь был приличный ассам. Можно было бы спросить, для чего диаспоре может понадобиться Серёгин, если дело считается заранее проигранным. Но торопить очевидный вопрос не имело смысла. Сейчас посланник сам расскажет. Он уже подзаскучал.

Шахлар действительно поёрзал и, видимо, решил, что пора сказать прямо.

– В общем, так, – сообщил он, чуть покачиваясь на стуле, – мы хотели бы, чтобы эта история стала публичной. Не

публичной – на кухне у местных, а публичной в газетах. С обсуждением.

– Она и так публичная. Что ящик, что губернаторский Телеграм не смолкают.

– Нужны независимые публикации.

Серёгин впервые посмотрел на эмиссара с очевидным интересом.

– Для этого сначала потребуется занять независимую прессу.

– Вот вы её и займете.

– Я?! – поразился Серёгин.

– Ага. Поедете в Новосиб и организуете.

Серёгин снова взялся рассматривать азербайджанского связного. Он ошибся на его счёт. Сначала ему казалось, что Шахлар – дешёвый понтовщик, пристроившийся сосать титьку диаспоры. Борзый дурачок с претензией. Или же проходит по ведомству сынок-племянник.

Однако замечание про Новосибирск демонстрировало, что парень внезапно в повестке.

Соперничество Красноярска и Новосибирска за корону «столицы Сибири» началось не вчера и давно успело превратиться в бесконечную битву на табуретках. У этого было немало интересных последствий, в том числе такое: то, что было абсолютным табу для красноярских СМИ, могло запросто выйти на новосибирских ресурсах. И наоборот.

– И что Новосибирск? – как можно невиннее переспросил

Серёгин.

– Новосибирск – город с метро и «Икеей», – весело отозвался Шахлар, – там не уважают наши традиции.

Про традиции он сказал таким гнусным тоном, что не оставалось сомнений: сам эмиссар тоже не уважает традиции, которые имеет в виду.

– У вас и деньги есть? – спросил Серёгин.

– А как же, – отозвался Шахлар, – 200 тысяч за работу плюс билеты и командировочные.

– Я имею в виду – на публикации. Хотя спасибо, конечно.

– Пожалуйста. На публикации тоже можно. Но это давайте обсудим, когда вы пообщаетесь с новосибирцами.

Серёгин налил себе ещё чашку чая.

– Я не отказываюсь, – заметил он, – но хотелось бы, чтобы вы пояснили: зачем вашим старшим мальчишка? Я подозревал, что он никакой не простой репортёрчик...

– Самый простой, – отозвался Шахлар, – мать – швея в Филармонии, про отца вообще ничего не известно.

– Тайный принц.

– Вот уж едва ли.

– Так и зачем тогда?

– Затем, что с пацана начнётся подполье – «Хизб-ут-Тахрир», «Исламское государство»¹ и кто знает, что ещё.

– Ну какое подполье, слушайте.

– Вы, Алексей, очень наивный, оказывается, человек, –

¹ Террористические организации, запрещены в РФ.

слегка разочарованно заметил азербайджанский связной. – Вы посмотрите материалы дела перед поездкой, ладно? Могу вам дать экземпляр, если читаете с бумаги.

Шумиха

Поезд был проходящий, с анекдотическим указателем «Харагун – Адлер». Это почти как Нижнеудинск – Юпитер: слишком амбициозно, чтобы быть правдой. Понятно, что никуда такой поезд не доезжает, он разваливается, рассыпая колёса и куски обшивки, уже после Барабинска. Максимум – на задворках Омска. Омск вообще место гиблое.

Никто же не думает, будто в самом деле существуют Шумиха, Юрга-1 или Кувандык. Это просто случайный набор звуков, нечто вроде тпру-у-у. Выйдите ради шуток на поименованных станциях – сами увидите, что там голая степь, и только ветер шевелит трубой парового отопления.

Ладно, подумал Серёгин, нам бы только до Новосиба. До Новосиба-то эта коняга доскачет, а там пыхти, паровозище, хоть в ад.

Оказалось, однако, что ад организован в составе превентивно.

Открыв дверь купе, Серёгин обнаружил двух среднеазиатских мужичков, заваривших нечто в металлической плошке. Воздух был запах. Варёво разило несвежими потрохами, его поварá – многодневным кислым потом. Кондиционер на время стоянки затих, превратив вагон в смертельную газовую камеру. Серёгин скривился, пробормотал внезапную матерную молитву и, зачем-то выставив перед собой руку – види-

мо, стремясь хоть так отгородиться от смрада, – шагнул за порог.

Киргизы – Серёгин для себя назвал их киргизами – по-русски не понимали совсем. В ответ на его предложение съебаться из купе нахуй вместе со своей ебаниной они принялись что-то успокаивающе курлыкать, протягивать ложку и кусок батона, заливисто смеяться.

Серёгин, сдерживая рвотные позывы, позорно бежал в коридор, а отдышавшись, бросился к проводнице с вопросом, какого, собственно, хуя. Проводница только хмуро ответила, что сама видала этих оленеводов в сам догадайся где, но документы у них в порядке, не подкопаешься. Варят? Ну варят, чего ты хочешь, еда у них такая. Сейчас тронемся, станет полегче, погуляй пока. Да вот тут и погуляй.

Серёгин бесцельно добрёл до вагона-ресторана – пить всё равно было нельзя, он держался в завязке уже седьмой месяц, и сейчас срываться было бы особенно глупо – только работа наклюнулась. Поезд, наконец, покатился. Серёгин немного постоял у окна, вглядываясь в текущие по тёмным силуэтам домов ручьи огней. Слабые и неуверенные. Можно не сомневаться, что они даже на пять минут не смогут вырезать Красноярск из его чёрного неба.

Красноярск тьмы.

Юный Лёша Серёгин приехал сюда в это же время года – послелетие, предосень, в тот же густой тёмный кисель, который здесь вместо воздуха. Он вышел на перрон ещё к ста-

рому грязному ЖД-вокзалу и некоторое время старался понять, откуда идёт запах костра. Тот шёл отовсюду. Огромная и ещё своенравная республика частного сектора – крепкие приземистые домишки, занявшие позиции по сторонам от железной дороги, – жгли припасы, курили дрова полено за поленом.

Боком к вокзалу дополнительным поездом выстроились вагончики разноцветных троллейбусов. Серёгин слышал, что в этом городе есть и трамваи – трамваи ему нравились своей неспешной неотвратимостью хода – но около вокзала подходящих для них рельсов он не заметил. Серёгин прыгнул в красно-белый троллейбус № 15 и покатыл в Гору, хоть тогда ещё и не знал этого прозвища госунивера. Прямо по пути, рассматривая дремлющие на крыше высотки неоновые буквы «Красноярский рабочий», он решал, на какой факультет стоит переводиться. Ему советовали истфак, сам же он больше склонялся к юридическому. Ничего, время подумать ещё было: кондуктор сказала, ехать минут тридцать.

Потом, уже вечером, с пересадкой выбравшись на автобусах в центр, Серёгин добрёл до набережной Енисея, уселся на выдранную из скамейки доску и рассматривал едва подсвеченную недобитыми фонарями тёмную воду. Огни города горели в ней брошенными на удачу монетами.

С тех пор их, похоже, собрали со дна какие-то ушлые граждане, потому что света в чёрном-чёрном городе стало куда меньше. В какой-то момент из окна поезда Серёгину

остался виден один только взмывший над городом грандиозный православный крест – негасимый памятник злой губернаторской шутке, циклопическое надгробие.

Чёрт, подумал Серёгин, писал бы я по-прежнему стихи, я бы сейчас чего-нибудь изобразил по этому поводу. Он даже несколько минут пробовал зарифмовать увиденное, но слова всё не складывались, и он плюнул на это дело.

В купе по-прежнему воняло, но несколько меньше, чем раньше. Киргизы сожрали свой комбикорм и улезли спать на верхние полки. Слава богу, что у них верхние. Серёгин приоткрыл форточку и решил, что тоже будет спать. Всё равно снаружи один и тот же вид, смотри – не смотри.

Когда он в следующий раз открыл глаза, поезд стоял без движения. Серёгин, не поднимая головы, попробовал выглянуть в окно, но его плотно закрывала шторка. Вместо станционного пейзажа взгляд остановился на новом предмете, возникшем на нижней полке напротив. Это был довольно крупный ящик, обтянутый чем-то вроде брезента. «Что они ещё сюда натащили?» – с неудовольствием подумал Серёгин, приподнимаясь и всматриваясь в коробищу.

В этот момент ящик качнулся в сторону Серёгина. У него прорезались крупное носатое лицо; круглые глаза с любопытством разглядывали соседа. То, что Серёгин принял за брезент, оказалось капюшонным плащом, который при каждом движении человека-ящика хрустел как конфетная

обёртка.

– А ты ещё кто такой? – с досадой поинтересовался Серёгин.

Киргизский подарок придвинулся ещё ближе.

– Я-то? – переспросил он совершенно без акцента. – Я сел в Медвежьем, на Шумиху еду. Сосед твой так-то.

Серёгин окончательно отошёл ото сна, сел на постели, свесил ноги и нащупал ими кроссовки.

– Ну, тогда поздравляю тебя, сосед, – сказал он, саркастически усмехнувшись, – значит, не один я буду нюхать чухарей с верхних полок. Они, кстати, по-нашему нихера не понимают, имей в виду.

– Так они вышли же. На прошлой станции.

– Вышли?

Серёгин подскочил и внимательным образом изучил верхние полки. Киргизов (или кто они там?) в самом деле не было. Чудеса. Это где же они вышли, посреди тайги, что ли?

– Дела-а, – протянул Серёгин, пытаясь сообразить, стал ли слабее запах – или он просто к нему привык.

Новый сосед, продолжая ежесекундно хрустеть плащом, разглядывал Серёгина с большим интересом. Он склонил голову набок, будто большая безобразная сова, и, казалось, вот-вот заушает.

– Мне кажется, вы журналист! – внезапно объявил говорящий ящик.

– Хм, – сказал Серёгин, что-то отличало Штирлица... –

Был когда-то. Только давно.

– В Красноярске или в Новосибирске?

– И там, и там, и ещё в Ёбурге.

– Ого, – сказал ящик, – ничего так вас помотало. И что там в журналистике? Слышал, ваших принимают сейчас активно.

– Нету никаких «моих», – карамельно улыбнулся Серёгин, садясь ровно напротив соседа, – я сам себе мальчик, свой собственный. А арестовывают журналистов только пидоры. Вот если слышите, что арестовали журналиста, – значит, тем, кто это сделал, сразу можно в рожу плевать. Потому что они ещё и котят ебут, можно даже не сомневаться.

– Ну да, – захихикал ящик, – всё совершенно случайно произошло, конечно.

– А что, – поинтересовался Серёгин, – думаете, в Красноярске дети в самом деле хотели мост взорвать?

– А вы думаете, они просто нашли немного взрывчатки? И никакие они не дети, кстати, я в их годы уже пахал.

– Ну как не дети, – возразил Серёгин, который уже пожалел о затеянном разговоре, но всё ещё продолжал по инерции набирать из колоды аргументы, – там самому старшему 24 года, что ли.

– Гайдару было 17 лет, когда он людей пачками расстреливал!

– А как быть с тем, что взорвать мост они собирались – в компьютерной игре?

Сосед недовольно поморщился.

– Так это и есть подготовка!

– Тогда и меня надо туда же. Я знаете что в компьютерных играх проделываю?

– Прокурор дело знает, – веско сообщил сосед. – А девчонка, кстати, во всём созналась.

– Вы бы в подвале тоже во всём сознались. Ладно, заканчиваем, – махнул рукой Серёгин, демонстративно зевая. – Дикий разговор какой-то. Я – спать.

– Вы бы то же самое делали на месте прокурора.

Серёгин лёг и отвернулся к стене.

– И нормальный у нас разговор, – не согласился ящик. Он снова начал хрустеть одеждой и ещё что-то бормотать себе под нос. Воспользовавшись этой паузой, Серёгин действительно попробовал уснуть. Ему было неудобно, отчего-то казалось, что прокурорский любитель может полоснуть бритвой по шее, а то и впиться в артерию острыми маленькими зубами. У него ведь маленькие острые зубы, успел заметить?

Что за бред, попробовал сам себя пристыдить Серёгин. Но ощущение, что с киргизами было спокойнее, так и осталось.

Утром любителя прокуроров в купе не оказалось, и Серёгин порадовался, что ещё один разговор жанра «нужно ли мыть руки перед едой» не потребуется.

Он давно зарекался спорить про «Комитет». Про аресты. Про нацпредателей. Тут никому ничего не докажешь, а

ярость потом не оседает, а, наоборот, подбирается к самому подбородку. Ты пытаешься схватить ртом воздух – а вместо этого хватаешь новую ярость. Захлёбываешься ею.

Ну вот что можно сказать чуваку, которого не выворачивает, когда школьники трамбуют в вонючую сырую камеру за плакатик «Долой оккупацию»? За запись в дневничке? За донос другой малолетней дуры?

Ты думаешь, он, этот чувак, ненастоящий фашист, понарошковый? Но он уже строчит донос и на тебя – за оправдание терроризма.

Что с ним делать, если он после этого нормально живёт?

А с нами? С нами что делать?...

Если мы продолжаем жить после этого?

Кулаком в стену. Полоснул лезвием по руке – скривился от боли, отвлёкся на неё и держишься. А не держишься – полосни ещё раз.

Серёгин залепил кулаком по металлической ручке купе, охнул и, с облегчением чувствуя, как боль выгоняет остальные ненужные мысли, вышел на перрон.

Он успокаивался Новосибирском, почти любил его – что для краснойрца (урождённый магнитогорец Серёгин, двадцать лет живший на Урале, считал себя именно краснойрцем) вообще-то последнее дело. Всё равно что для нацбола славить Америку, для американского республиканца – Сталина, а для сталиниста – «Архипелаг Гулаг».

Красноярец должен хихикать над Новониколаевском (как звали Новоси́б в прошлой жизни). Называть его «город с метро», баюкая собственную травму – недоступность завышающих подземных поездов. Наконец, обязательно упоминать отсутствие в Новосибирске заповедника «Столбы» – как финальный аргумент в пользу бессмысленности города-конкурента. Перетягивание короны «столицы Сибири» – обязательный дурацкий спорт двух миллионников.

Так вот Серёгин любил Новосибирск, чем вызывал удивление у поклонников обеих «столиц». Если любишь, зачем тогда поселился в этом алюминиевом Чернобыле, язвительно интересовались на берегах Обского моря. Новосибирск?! – поражались красноярские приятели, ты ещё скажи – Москва.

Серёгину было плевать. Он когда-то приехал сюда с Наташкой, познакомившись с ней за полторы недели до этого. Ему-двадцатитрёхлетнему казалось, что это и есть романтика: влюбиться без башки, бросить всё и всех, никому ничего не объясняя, рвануть в чужой край света, вообще не имея в виду завтра.

Они вдвоём прожили в Ща (приз за самое безумное название микрорайона) четыре месяца. Потом он съехал к полудрузьям в общагу НГУ. Потом была ебанатская (как делают только литературные мальчишки) попытка пьянства навыворот, ещё на пару месяцев, в финале которой он обнаружил себя натурально под забором. Затем в стационаре – с воспа-

лением лёгких. Затем – снова в общаге.

В общем, Новосибир – город юношеской, почти детской влюблённости. Здесь улицы – не улицы, остановки – не остановки, а площади – никакие не площади. Это всё – места встреч, ссор, прогулок на годовщину, нелепых статуй, которые вместе рассматривали, старых магазинов и лавок (которые с тех пор рассыпались в прах), где он покупал Эн какую-нибудь возмутительную ерунду, но всё равно улыбается, вынимая её из памяти. Город – карта былых сокровищ, город – выдуманная страна, где всё знакомо, даже если ничего знакомого уже нет.

В таком городе и в облупленной наркоманской девятиэтажке – они жили в наркоманской девятиэтажке – есть и очарование, и душа, и судьба. Не в убитой квартире с вонючим встроенным шкафом (в нём прежние держали собак), не в загаженном тёмном подъезде. А просто вот здесь. Только тебе открыто, где это «здесь». Это только твоя тайна. Ну, может быть, ещё Эн, раз уж это её город.

Он оставил этот город ей.

Как она, интересно?

Серёгин вышел из здания вокзала Новосибирск-Главный (тоже, понятное дело, издёвка над Красноярском) на площадь и некоторое время оглядывался по сторонам. Титульную гостиницу переименовали во что-то невозможное, рядом с ней прописался карликовый торговый центр, а так –

примерно то же, что и раньше. По крайней мере, флипов до космопорта не завелось.

Он некоторое время сомневался, идти или ехать, но погода оказалась приличной – в небе показывали небольшое ладное солнце – и Серёгин не стал вызывать такси. Идя по городу, он с интересом разглядывал людей, сверяя их со своими воспоминаниями, и не без удовольствия обнаружил, что нынешние люди получше: во-первых, моложе, во-вторых, веселее одеты.

Серёгин догулял до «Чашки кофе» на Ленина и устроился в ней завтракать. Это место удобно тем, что львиная доля городской жизни прописана в этом здании, а неудобно – тем же. Это такой нудистский пляж: все всё сразу видят, обсуждают, знающе подмигивают. Приедь он по местным делам, ему и в голову не пришло бы здесь оказаться. Но по красноярским – можно. Наверное.

На часах было 8:50, и в это время по залу тусовалось только незнакомое молодое мудачё с претензией. А почему сразу мудачё, спросил себя Серёгин. Ну, чуваки в свитерах с ебущимися оленями, так и что? Ну, какая-то блядь с надутыми волшебницей химией губками. Так и опять же – какое, сука, тебе до неё дело?

Но какое-то всё же было.

Это старость, сказал себе Серёгин. Молодые и красивые (да и некрасивые тоже до кучи) вызывают острое желание убрать их из поля зрения. Вырезать из наблюдаемой реаль-

ности и вложить обратно в журнал «Esquire», откуда все они зачем-то выпали. Или на худой конец заретушировать до неузнаваемости, чтобы не выделялись из нашей буро-малиновой компании. И щиппопроше. И вообщее – попроще. И вот эти выбеленные лица, эти брючки на щиколотках, эти фиолетовые волосы. Хотя вот фиолетовые были в какой-то момент у Эн...

Девочка в закатанной до локтей форменной рубашке принесла еду. Лево́й, сплошь татуированной руко́й поставила перед Серёгиным кашу, тарелочку с двумя кексами и прозрачный чайник «English breakfast». Делано улыбнулась, гипертрофированно растянув уголки рта на долю секунды, и унеслась на кухню.

Серёгин рассмеялся.

Он уже подъел бо́льшую часть овсянки, скрошив в неё оба кекса, когда в зале нарисовался Коля. Сонный, помятый, в какой-то нестираной бороде. Вот уж поистрепался старик... Серёгин помнил его вовсе не таким.

– Здо́рово! – драматически объявил Коля, протягивая несоразмерную себе лапищу. В этом приветствии было всё: хромая профессиональная судьба, развод, хронический панкреатит и кот, наблевавший на ноутбук.

– Ну привет, чувак.

Коля сел и с сомнением посмотрел на остатки каши в тарелке Серёгина.

– Болеешь или ЗОЖ и тебя укусил? – спросил он с подо-

зрением.

– Просто люблю овсяную кашу с утра. Слышал, это пока ещё не наказуемо.

– Ладно, – недоверчиво махнул рукой Коля, – но я возьму мяса.

– You are welcome.

Коля долго надувал щёки перед официанткой (другой, с выбритой половиной головы), заказал, наконец, блины – и, сложив руки на стол, стал отстукивать пальцами «Вставай, страна огромная».

– Давненько... – начал он, но на этом и остановился.

– Ты как давно перебрался в коммерческий? – спросил Серёгин, наливая себе чаю.

– Давно. Года три уж.

– И как тебе?

Коля закатил глаза.

– Сам знаешь.

– Слава богу, нет.

– Да ладно. Не работал в коммерческом – так писал для дяди. А не писал для дяди – значит, ишачил на выборах. Там-то вообще люто.

– Не знаю, – сказал Серёгин, шумно отпивая чай, – я люблю выборы. Там можно каких-нибудь говнюков отшлёпать хуями по губам. И это всё за счёт других говнюков.

– Но кому-то надо и отсосать.

– Только если любишь это дело. Когда ты известен как

шлёпатель хуями, ставить тебя на сосание ни у кого и мысли не придёт. Что ты, милай! Я – специалист узкого профиля.

– Молодец, чо... я-то – широкого.

Серёгин оценивающе посмотрел на Колину худую физиономию.

– Незаметно.

Коля потёр лоб, потом с нажимом провёл ладонью по лицу, будто хотел его смять и выбросить. Не дождал. Уставился на Серёгина безо всякого выражения.

– Ну так и что у тебя за дело на сто рублей?

– Я же тебе сказал – размещалово.

– А подробнее?

– Подробнее – красноярская история. Суд над случайно надёрганными людьми. Крики «терроризм!», «ужас!», «нас хотят взорвать!». Власть на всякий случай помалкивает. Состояние надёрганных ухудшается. В общем, вполне кондиционный сюжет. Жанр – колонка от любого твоего автора или мини-расследование. Репортаж не предлагаю – слишком странно в новосибирском издании будет смотреться. Хотя как скажешь. Текст – с меня, мотивация, понятно, – тоже. Подозреваю, что можно попробовать воткнуть и бесплатно – тема и так может зайти. Если получится, вся мотивация – твоя. Ну, и может быть продолжение. Да даже наверняка будет.

– Суд над террористами, значит, – покивал Коля, – а что взрывали?

– Якобы мост. Планировали.

– Это тот, который наш «Сибмост» строит?

– Нет, вроде другой.

– А-а-а, – сказал Коля разочарованно, – зря. Вот если бы «Сибмост»...

– И так нормально. История с подачи НГН может выйти громкая. Мне советовали в «Тайгу.инфо» отнести, но я решил сначала к вам. И охват. И потом, родное как-никак издание...

Он в самом деле служил (тогда говорили именно так – служил) в НГН – главном городском интернет-портале с совершенно непредставимым для начала нулевых количеством читателей. Это как телевидение, только без дорогущего оборудования и аренды студии (из которой, кстати, в любой момент могут погнать, и начинать всё сначала).

– Ничего не могу гарантировать, – проворчал Коля, принимая тарелку с блинами. – У нас были тут какие-то свои... жопные экстремисты... Сначала мы что-то писали, потом следком, – Коля втянул в себя сразу весь блин. – После этого кто-нибудь из замов обычно просматривает, даже коммерческие проекты.

– Слушай, это не разговор.

– Вот и нет, – возразил Коля, – как раз это и разговор. Можешь, конечно, через Влада попробовать, но это тебе раза в два дороже встанет. Или в три.

– Сколько тебе нужно времени?

- Два дня дай. Если нормально – ещё два на публикацию.
- Лады, но не больше.

Dark arts

– Привет, – сказал он, нарочно ничего к этому не прибавив и ожидая, узнаёт Эн его голос или нет. И очень надеюсь. И боясь тоже.

– Привет, Ал, – спокойно, будто они разговаривали только вчера, отозвалась Наташка, – в гости заехал?

Серёгин хотел сказать, что да, в гости, хозяйка. Давай обнимемся, дорогая, потому что ну что ещё можно найти в этом городе, кроме твоих рук? Кроме твоего «какого чёрта?». Кроме твоего издевательского взгляда?

Он ещё в поезде заготовил целый набор ёрнических приветствий – и с тех пор на разные лады проигрывал их в голове. Но дойдя непосредственно до точки возврата, ничего из этого не сумел произнести.

– Повидаться бы, – просто сказал Серёгин.

– Это можно, – отозвалась Наташка, – только не сегодня. – Она помолчала. – И не завтра, скорее всего. Ты надолго?

– Не знаю, – сознался Серёгин, – как дела пойдут.

– Ага, – сказала Эн, – ты здесь или в Академе?

– Везде. Но в Академе, скорее всего, больше.

На стороне Эн заплакал ребёнок, и Серёгин подумал: интересно, это её? У неё вроде бы была дочь. Лет десяти, наверное?

– Перезвонишь завтра вечером?

– Ага, – сказал Серёгин, – ещё бы я не перезвонил.

Вызвав к «Чашке кофе» такси, он заранее указал в заказе «молчаливого водителя». До Академгородка 45 минут езды, тут надо предосторожничать. Молчаливый водитель смерил Серёгина хмурым взглядом, но в самом деле ничего не сказал. Это была победа.

В пути Серёгин взялся искать в телефоне, что за экстремистов ловили в последнее время в Новосибе. Коля вполне мог и набрехать, и даже скорее всего. Он стал проверять – больше на всякий случай, – но моментально закопался в ссылках.

Восемь студентов, два школьника. Было больше, но потом, похоже, отобрали только этих. Дурачки заделали при НГУ клуб «Defence against the Dark Arts», дурацкое какое название – оказывается, из «Гарри Поттера». Девочки-татуировочки, мальчики в грязных волосах. Маменькины хлюпики, айфоновые выёбушки.

Обвинение запросило от четырёх до шестнадцати лет. Шестнадцати, сука! Младшая девчонка дважды пыталась повеситься в СИЗО. У одного из студентов (уже не студентов так-то, всех восьмерых сразу отчислили) обострился гепатит, оценить состояние не пустили, опять не пустили, больничка, поздно.

– Хрена себе! – проорал Серёгин.

Молчаливый водитель дёрнулся и зло скосил один глаз.

Как это прошло мимо него в Красноярске? Как это вообще прошло мимо Красноярска? Где про это говно сюжеты, там, расследования?

Серёгин набрал рекламного Колю.

– А почему ты не вспомнил про ваших собственных «комитетчиков»? – спросил он, пропустив приветственную вежливость.

– Кого? – не понял Коля.

– Студентов-чернокнижников.

– А-а. Я же тебе говорил, у нас свои тут. Только у вас мусульмане, а здесь бумажки какие-то запрещённые. Но это когда было-то?

– Два года всего, – отозвался Серёгин, – вижу, два и два ты уже разучился. Ладно.

Он снова нырнул в историю «Дефенса», шепча себе под нос тексты выступлений в суде и мотая от злости головой. Сука-сука-сука, говорил он себе. Вот ты чмо, Лёша. Чмо как оно есть!

Его настолько придавило, что он пропустил момент, когда машина начала замедляться, чтобы встать у входа в «Золотую долину».

– Приехали, – сообщил молчаливый водитель и, обернувшись к Серёгину, добавил: – Ты если не хочешь болтать, не болтай в следующий раз.

Серёгин ничего не ответил, что было на него совершенно не похоже. «Обратное хамство» он обычно считал совер-

шенно обязательным.

Вышел. Посмотрел на скучное жёлтокирпичное здание с зелёным балдахинном вывески над входом. Он не помнил, как раньше выглядела гостиница Академии наук, хоть ему уже и приходилось снимать в ней номер. Сейчас «Золотая долина» казалась просто провинциальным отелем на отшибе, а никаким не последним местом на Земле, в какое она превратилась в ту памятную зиму. Тогда вокруг не было ничего, кроме -43 градусов, да и внутри согреться было не так просто.

Серёгин пробовал писать диплом, поминутно порываясь позвонить Эн, которая всё равно бы не взяла трубку. Спасало только то, что ушлый научрук припахал к работе над парой диссеров каких-то полковников-генералов. Серёгину – жильё и на леденцы, страждущим – нормально написанные бумажки. Кому плохо-то? Всем только хорошо.

Вышло в итоге, правда, совсем не хорошо. Но это потом.

Ему было даже интересно, насколько нынешняя комната отличается от того чулана, в котором невозможно было поставить гладильную доску (её ещё надо было добыть у кастелянши), не сослав себя на кровать – потому что места вам двоим с доской не находилось.

Но снова ничего особенного не обнаружилось. Обычный такой совковый эконом-ампир с репродукциями трижды неизвестных маринистов. Чайник вроде есть. И полотенца не пахнут носками. В окне, правда, большей частью показыва-

ют стену, но ocean view и не входил в комплект, сказал сам себе Серёгин. Нормально.

Он обошёл дозором комнату, пожал плечами и набрал номер «связного», который ему дал Шахлар.

– Да? – осторожно спросили на том конце, и Серёгин представил испуганного пацана, которого застукали за просмотром pornhub.

– Это Серёгин, – сказал Серёгин, – Шахлар обещал, что мы поговорим.

– А вы что, уже приехали? – с ещё большим испугом воскликнул связной.

– Ага, – подтвердил Серёгин, – в Академе.

Связной шумно сглотнул, после чего повисла пауза.

– Так что, – напомнил Серёгин, – когда удобно встретиться?

– Слушайте, сейчас немного не вовремя.

Серёгин уже понял, не первый раз замужем. Нужно было только решить, пофиг ему на этого конкретного пацана или нет. Да или нет?! Да или нет, как спрашивает батюшка Алексей Анатольевич...

– Так, – сказал Серёгин, – давай, да или нет, некогда телиться. «Нет» – я передал это и покатился обратно. «Да» – и называй время.

На другой стороне шумно вздохнули, чем-то пошуршали, переложили телефон из руки в руку.

– Давайте коротко в парке около Беляева с лисой, через

полтора часа.

Надо же, перспективы отказать Шахлару оказались пугающими. Интересный коленкор.

– Через полтора так через полтора. Только не у Беляева, а в столовой вычислительного центра.

– Там пропуск надо, – запротестовал связной.

– Ничего, – сказал Серёгин, – я справлюсь.

Пропуск не понадобился, в ВЦ сделали отдельный вход для других институтов. Серёгин и связной Степан – референт академика, главы отделения Академии наук – забились в угол. Степан ковырял вилкой бифштекс, Серёгин сложил на тарелке горку пирожков и с аппетитом кусал от них по очереди. Есть ли среди них тот самый эпический пирог с вермишелью?

– В чём была проблема встретиться? – поинтересовался Серёгин, разломив очередной пирожок и обнаружив у него капустное нутро.

Стёпа напрягся и даже чуть отодвинулся от стола.

– Работы выше крыши, готовим конференцию региональных отделений СО РАН, и академик... – начал он тараторить, но Серёгин не стал слушать.

– Стоп-слово, – объявил он и погрозил Стёпе пирожком. – Давай договоримся: или ты отвечаешь на мои вопросы как есть, или разбежимся прямо сейчас. Время – деньги, деньги – тоже деньги, хорошие отношения – опять деньги. Всё деньги, и, если кочевряжиться, можно их не получить. Или

даже наоборот.

Он сам не понял, к чему завернул эту последнюю фразу, но на Стёпу, очевидно, именно она и произвела впечатление.

– У нас после прошлого следственного комитета всех перелапали, – сказал он, скривившись. – Компьютеры забрали, планшеты, диски подчистую с записями... Мне вот до сих пор телефон не вернули. А сейчас опять какая-то проверка, вроде из «счётки», но знаете...

Серёгин понимающе кивнул.

– А тебя-то зачем? – спросил он.

– Да я с Марсом общался, – вздохнул Стёпа.

– С кем?

– С парнем из «Дефенса», это у нас тут студенческая... нежелательная организация. Татарин, Марс Таиров, он там иногда обращался...

Вот вам и исламское подполье, подумал Серёгин, но вслух ничего не сказал.

– Ладно. Степан, от меня не утечёт, только для внутреннего глотания.

Стёпа недоверчиво улыбнулся. Правильно, конечно, что не верит.

– Мне сказали, – пояснил Серёгин, – что ты сведёшь меня со студенческими вожаками НГУ. Нужно, чтобы они включились в нашу маленькую войну за «Комитет» – всё же двое «комитетчиков» в здешнем универе учились.

– Сейчас никто не станет...

– Да, – согласился Серёгин, – вижу, из-за «Дефенса» как раз. Совсем никто?

Стёпа помотал головой. Подумал. Помотал ещё.

– Тогда я потребую от тебя множество мелких услуг. За каждый скормленный витамин.

По Стёпиным глазам стало ясно, что цитату он не опознал. Не читал, выходит. Как будто до этого что-то заставляло предположить, укорил себя Серёгин.

– Я спрашиваю, а ты, раз оказался глубоко в теме, аккуратно рассказываешь. Почему, например, в ваш «Дефенс» взяли этих, а не других? Что они такое делали: митинговали, «Единую Россию» в интернете чморили?

– Да не знаю я, – дёрнул плечами Стёпа, – ничего такого. Они и не знали друг друга толком вроде как. Собирались читать-обсуждать «Гарри Поттера». Хотели защищать грязнокровок...

– Кого?

– А-а-а, – Стёпа с лёгким сожалением посмотрел на Серёгина. Видимо, мысль, что кто-то может не знать таких элементарных вещей, пришла ему в голову только что. – Это тоже из «Гарри Поттера». Нечистокровные волшебники, которых... ну, абыюзили другие, которые с врождёнными привилегиями.

– А кто у нас грязнокровки?

– Те, кого из института выперли по какой-нибудь кривой причине.

– То есть профсоюз #гимуриегокоманда, – кивнул Серёгин. – Дальше?

– Дальше... ну, говорили, что это из-за Говорова – он сын бывшего декана мехмата. И что это интриги там... и ещё второкурсница такая, Лиза. У неё мать – глава Театра драмы. Тоже думали, что, может, чтобы её прижать.

– Прижали?

– Кого? – не понял Стёпа. – А-а, мать-то? Ну да, её сняли после этого.

– А декана?

– Не знаю. Он ушёл же ещё до того. Не знаю, где работает.

Серёгин взялся пристальнее рассматривать Стёпино лицо, которое тот, наоборот, теперь всё больше отворачивал. Как он с такой минимальной прокачкой вранья у ректора служит, спросил себя Серёгин.

– И что же, универ своих не стал прикрывать?

– Не, ну мы же не знаем, как там... – начал Стёпа, но Серёгин так зло оскалился, что он тут же и замолчал.

– А Марс твой?

– Он зря с ними связался. Сам жалел.

Серёгин взялся выковыривать из пирожка грибную начинку вилкой. С детства не любил грибы. А они всё равно нет-нет да и норовят подружиться.

– Ты сам-то что про всё это думаешь? Это из-за мажориков?

– Ну... может быть, – сказал Стёпа, поджав губы.

– А может быть... – подсказал Серёгин.

– Да не знаю я!

– Не кричи, – предупредил Серёгин, – на нас с соседних столиков оборачиваются. Как это – у референта академика нет идей?

Стёпа, нахохлившись, молчал.

Серёгин доел последний пирожок и допил чай. Надо было закругляться. С клиента дальше не будет никакого проку. Он уже способен думать только о том, не наговорил ли он лишнего, и о том, что наверняка наговорил, и о том ещё, что вообще не стоило говорить и что надо бы сваливать хотя бы сейчас, но вдруг эти ещё хуже тех.

– Мы значительно хуже, – сказал Серёгин.

Стёпа оцепенел, а Серёгин рассмеялся.

– Имя следователя и контакты давай, раз они тебя вызывали.

– Вы ломанётесь, и меня опять начнут таскать, – пробормотал Стёпа.

– Зачем это я ломанусь? Чтобы они и мне по карманам стали лазить? Стёпа, не надо сейчас тормозить, мы уже почти закончили наши неприятные процедуры.

– Вы просто не сидели у них на подвале.

– Много ты знаешь, – грустно улыбнулся Серёгин. – Ладно, Стёпа, сдавай контакты, и можешь свалить в туман.

– Как дела вообще?

– Лёша, ты это вот всерьёз? What the fuck?

Серёгин усмехнулся.

– Извини. Не переключил социальный протокол. Что там в «Warcraft»?

– Во-о-от, – поддержала Наташка, – правильный вопрос. Уровень увеличили до 110-го, но рейды тухлые.

– Как можно ещё играть в это многопользовательское дречево?

– Как можно всё ещё драть на однопользовательский эндгейм? Что у тебя сейчас, опять «Mass Effect», поди?

– «Fallout».

– В который раз это самое мамонта.

Серёгин рассмеялся.

Они сидели с Эн на летней веранде кафе на Крылова. Неожиданный проблеск лета убедил хозяев вытащить наружу столы и ловить на эту снасть проплывающих мимо: скорее, скорее, давайте, пока не началось!

Эн была совершенно не похожа на себя: вместо джинсов и какой-нибудь безразмерной дырявой хламиды, дурацкой кепки, разноцветных чулков – «костюм женщины». Платье в узор, цепочка, кольца и браслеты нормальных размеров. И тени под цвет платья. И маникюр. Не сказать, что Серёгину больше понравилось, но интересно. Волосы вот только она зря отпустила, с короткими ей было лучше. Ему-то точно было лучше.

– Ок, игры и оскорбления – done, – кивнул Серёгин. – Что

теперь, книжки?

– Я мало читаю, – созналась Эн, – некогда, а одна-две в течение не пойми какого срока не считаются. А у тебя?

– Мемуары Фрая – смешные, «Марсианин», «Немцы» Терехова, «Обитель» прилепинскую советуют, хотя...

– Я первую часть смотрела. Так-то фигня фигнёй, хотя Йовович и красоточка.

Серёгин долго смеялся.

– А в группе своей ещё поёшь?

– Не, – Наташка наморщила нос, посидела так несколько секунд, вздохнула, – разбежались. Уже не помню, когда.

– Жаль, – честно сказал Серёгин; он любил, как Эн пела. В плейлисте ноутбука до сих пор торчат два её трека. Серёгин даже лелеял надежду, что как минимум один адресован именно ему.

Эн не оценила. Она помрачнела, сплела на груди руки и стала смотреть тем взглядом, какой Серёгин видел у своего кота, когда нёс его прививаться.

– Лёша, не надо вот этого, – предупредила она.

– А что такое? Правда, жаль: ты клёво пела.

Эн смерила его не неприязненным даже – а каким-то окончательным взглядом. В этом взгляде враз кончились «Варкрафт», Фрай и любые остальные темы.

– Клеиться этими приёмчиками не надо, – отчеканила Эн.

– Кто клеится?! – возмутился Серёгин, который ещё не определился, нужно ли в этот раз клеиться к Наташке или ну

его к собакам. – Я уже не имею права тебе просто сказать, что ты такая же охуенная? У нас с тобой теперь подцензурно?

– У нас с тобой, – она сделала здесь ударение, – Лёша, ничего. И про группу-песни-пляски мы не разговариваем.

– Да мы с тобой вообще не разговариваем, – сказал Серёгин, тоже стерев с лица стародружеское выражение и сразу став значительно старше своей ровесницы. – Это так, Наташа, флуктуация. Кофе взыграло.

– Ну-ну, – сказала Эн, – ну-ну. В мире, в котором ты живёшь, Лёша, всё флуктуация. Всё вспышка. Слева, справа, побежали, нет, стой, побежали опять. Не просто же так ты косплеишь одинокого рейнджера.

– У меня есть сын.

– Которого ты видел раз пять за десять лет.

Серёгин хотел возразить, что ездит к Арсюхе два раз в год, но вовремя сообразил, что аргумент так себе и едва ли сыграет. Промолчал. Эн кивнула – не без торжества.

– То есть у тебя с дочерью – не в пример слаще? – уточнил он.

– У меня их две.

– Серьёзно?

– Ха, – сказала Эн, – и вот, Лёша, всё у тебя так.

Помолчали.

– Слушай, – примирительно сказал Серёгин, – мы десять лет не виделись, может, ещё на столько же разбежимся. Давай не будем хоть один день друг друга жрать. Давай я про-

сто скажу, что рад тебя видеть. Без всяких.

– Да я тоже рада. Лёша, только не делай из этого специальных выводов, оки?

– Да не вопрос.

– Точно? Ты же понимаешь, почему я уточняю?..

Он понимал.

Второй раз они встречались через полтора года после первого. Его переклинило, а она сказала: ну, может быть... попробуем. Он решил, что это знак. Всё можно пересобрать, перерисовать, пересложить. Мотался за ней хвостом. Ездил за ней в Москву, к её огромному удивлению. Выкладывался на свои 200, а может, 300 процентов. Совершенно рехнулся. Из всего выпал.

А потом был опять разговор. И ещё один. И она сказала: слушай, это всё хорошо, но получается какой-то изврат. И только тогда он освободил город совсем. Выхал в Красноярск с вещами.

В третий раз он написал. И она написала. И он собрался приехать, хоть все и были уже глубоко женаты. Но она сказала: давай остановимся, слишком сложно, Лёша. Он отказался. Он думал, она тоже откажется, когда он появится. Он ошибался.

– Ладно, – сказал Серёгин, постаравшись как можно нейтральнее улыбнуться, – тебе же хуже.

Эн усмехнулась – пожалуй, чересчур язвительно.

– И ты не приехал начинать старую песню?

– Я по работе приехал.

– И где же ты сейчас работаешь?

– Помощником губернатора. Как тебе?

– Так себе, – отозвалась Эн, – хоть бы уж тогда президента.

– Так ты не согласишься.

– Так и не поверю, да.

Они помолчали.

– Не факт, что ты слышала, – сказал Серёгин. – Красноярские дела. У нас там детей решили порезать в салат. Шьют убийство Кеннеди и минирование моста.

– «Комитет», что ли?

Серёгин удивлённо присвистнул.

– Ого, – сказал он.

– По работе слышала, – кивнула Эн.

– По работе? А ты кем сейчас трудишься?

– О, тебе понравится, – плотоядно улыбнулась Эн. – Помощницей судьи.

– Подожди, – нахмурился Серёгин, – какого судьи?

Обыкновенного, федерального. Она получила заочное юридическое, а стаж муниципальной службы у неё был раньше – она же тогда в избиркоме... Ну вот она и пошла. Интересная, кстати, работа. Нервов бывает много, но где их не бывает, Лёша? Уже три года как. Сработались.

– Мне в суде говорят, – продолжала болтать Эн, не за-

мечая изменившегося настроения Серёгина, – вам, Наталья Александрна, надо уже сдавать самой. Как будто это так просто. Я не то чтобы мажусь, просто надо допить свой горшочек смелости сначала...

Ему не понравилось. Серёгин пытался сообразить – а что его, собственно, задело? Ну, выучилась; хорошо. Ну, работает; нормально. Ну, помощницей судьи. И что? Но нет, что-то хрустнуло, посыпалось что-то.

– Так а чего ты впрягся за этих взрывателей? – вдруг сама себя оборвала Эн. – Вспомнил анархическую юность?

– Да какие они взрыватели, Эн, окстись. Обычная мелюзга, которую по дворам наловили.

– Ты мне расскажи, ага. У нас тут свои такие же водятся. Как раз слушания в сентябре закончились.

– Какие свои? – насторожился Серёгин.

– Да то же, что ваши, мажорики с ранением в голову.

– С этого места поподробнее.

– Сам почитай. Только не на «Дожде» разном, а то у вас, либерды, там сплошной кровавый режим будет. А про оружие, мины, тренировки по стрельбе враз забудете.

– У нас... у либерды? – уточнил Серёгин.

– Ну, – улыбнулась зубами Эн, – раз «по дворам наловили» – значит, ага. Так только либерастня пишет.

Серёгин поморщился. У него было вшитое в голову внутреннее правило: «укры», «колорады», «либерасты», «путиноиды» и прочий словарь боксёров по переписке был дирек-

тивным указанием на окончание разговора. Любого. С любым. По любому поводу.

Он спохватился: может, он поморщился только про себя? Нет. Явно нет, раз Эн смотрит в ответ, искривив губу.

– Давно мы всё же не виделись, – заметила она саркастически.

– Давно, – согласился Серёгин, – видимо, с 37-го года, Наташ. Может, это ещё и ты сопляков помогла засудить?

Давид Гаглов / У неё такие глаза

Всё оказалось непохоже – и в первую очередь глаза.

Стройная блондинка, может, чуть старше тридцати. Красивая. Она смотрела понимающе и даже сочувственно. Чуть склоняла голову и иногда кивала, когда адвокат заводил про отсутствие резонансов для содержания под стражей после окончания следствия. Про необходимость лечения для четверых из шести. Про отсутствие судимостей и хорошие характеристики.

У неё были слегка раскосые (и ещё чуть подчёркнутые стрелками) большие грустные глаза, по которым было ясно, что она сама тоже грустная из-за всего вот этого. Из-за того ада, что наколбасили прокурорские. Или губернаторские. Или чёрталысовские. Короче, те, которые тут за старших.

Никита даже себе не поверил. Думал, может, кажется. Может, выдумываешь себе, врёшь, лишь бы наскрести из-под ногтей какой-нибудь надежды. Но на первом перерыве и адвокаты начали шептаться: наконец-то она похожа на человека. А Никита подумал, что сегодня всё внезапно похоже на человеческое. При входе в суд не было обычного смертоубийства. Никаких тебе враз про ограниченное количество стульев в зале – пустили всех журналистов, которые просились, и даже кто-то из блогеров влез.

И с ходатайствами не прерывала.

И когда Давид сказал: «Я уже восемь месяцев сижу в тюрьме, отпустите меня домой. Зачем меня держать в тюрьме – это безумие!», она вздохнула и даже так губы подобрала: мол, какой абсурд, и правда. И объявила второй перерыв.

Никита пошёл в буфет. Там не было воды, только тархун. И он пил липкий зелёный тархун и думал: ну всё-таки у неё понимающие глаза. Она же даже соглашалась, что статья такая-то подразумевает, что держать больше в СИЗО не нужно.

И он шёл к залу с этой идиотской надеждой.

Стройная блондинка читала по бумажке 20 минут. Всё по-прежнему, ничего не поменяют, и Давида, у которого почернели пальцы, и остальных, сколько кого есть, обратно, без послаблений.

И все в зале молчат. И ты молчишь.

А потом все выходят.

Аслан

Владивостоки

Когда-то он любил этот город. После кошачье-облезлого Ачинска он казался ему безбрежным, космическим. Вечерние огни города горели звёздным пламенем, его мосты были переброшены между созвездиями. В его глубине медленно кружили планеты со своими чуждыми цивилизациями.

Аслан разглядывал людей в маршрутках, придумывая им в этом космосе траекторию. Женщина в красной куртке была звёздной сестрой, укладывающей горожан в анабиоз и снова вынимающей одного за другим из темноты. Пожилой мужик со слегка подрагивающей рукой – ветераном галактических сражений. По утрам он выходит из подъезда во двор и долго всматривается в то место, где должна быть Вуаль Персея, – там его флотилия разбила центаврийские орды. Озирающийся по сторонам мальчик лет десяти наверняка отбился от остальной группы свободного поиска. Сейчас он достанет из-за пазухи коммуникатор и позовёт старших – посмотреть, как огни утекают в большую реку.

У этого города было впереди огромное яркое будущее. Его трубы дымили не просто так, а чтобы отдать людям циклопические тракторы, гигантские ракеты, тонны алюминия,

которые сразу же превратятся в самолёты, бистролёты, космолёты. И завод медпрепаратов был здесь не просто так – он готовил средства для безболезненного покорения новых пространств. И завод холодильников. И телевизорный.

Всё здесь было не случайно, всё имело цель и смысл. И даже обходя стороной кусок апокалиптического трупя промзоны, Аслан фантазировал, что из её смерти вот-вот прорастёт новое производство. Может быть, автобусов – а то старые «Маны» уж очень сильно копят. Или каких-нибудь компьютерных шуток. А может, и вовсе стратегических бомбардировщиков.

Всё имело смысл, но зачем в этом городе был Аслан? Он долгое время не знал. А пока не догадался, перебирал самое разное: носил невкусную пиццу, стоял за прилавком на Центральном рынке рядом с крикливой тувинкой Альбиной, строил совершенно невозможные дома под античный шик, возил китайского торговца.

Потом он наконец сообразил. Он – небесный механик. И словно бы в издёвку будущее подкинуло его в автосервис на улице Шахтёров.

Аслан сначала даже не хотел, но потом решил посмотреть. И ему неожиданно понравилось. И потому что это был толковый честный сервис, где хозяин только совсем немного мухлюет с деньгами. И потому что мужики подобрались малопьющие и неразговорчивые – какие и должны быть. И потому что оставалось ещё много времени, когда что-то можно

было клепать для себя. Для соседей. Для своих, когда свои найдутся.

Аслан выдохнул и зажил спокойно. Через пару лет у него появилась семья, потом сын. Он стал известным мастером, к нему даже приезжали специально: спрашивали хозяина – ваш чечен-то возьмётся? Аслан не обижался. Почти. Для местных все чечены. Все азеры. Все китайцы. Скажешь им – осетин, разве они поймут?

Он жил нормально, совсем не так, как отец. И это было хорошо. Не прямо сейчас хорошо, а вообще – если посмотреть на жизнь Аслана из космоса. Он иногда смотрел.

Он бы и дальше так жил, если бы город не надорвался. Наверное, он рассыпался постепенно, а может – Аслан теперь иногда мучил себя этой мыслью – город сразу был злой дырой? Может, он только притворялся звёздной гаванью, чтобы подпустить таких дурачков, как Аслан, поближе, да сразу и причмокнуть?

Вряд ли. Просто испортился. Скис. Забродил. Надо было почувствовать вкус и уйти. Убежать. А он медлил.

И город забрал Давида.

Сын сказал:

– Никогда не звони, понял?!

Он это не серьёзно, подумал Аслан, и протянул руку – хлопнуть Давида по плечу.

А Давид с размаху влепил ему в челюсть.

– Зачем ты это делаешь? – спросил потрясённый Аслан,

утирая кровь.

А Давид не слушал. Давид ушёл.

Так пришлось учиться жить без сына, без жены. Без всех – потому что все на свете сразу выключились, потеряли резкость. Аслан уехал в Солонцы. Пил. Изматывал себя походами в гору и обратно. Просто так, просто чтобы не на одном месте. Плакал, глядя на небо и бормоча почему-то строчки из советских мультфильмов. Про попугаев.

Он примирился с тем, что города больше не будет, только через два года. Когда вспомнил про своего отца. И всё равно не пошёл смотреть, где его могила, – пусть до Бадалыка и было всего ничего.

У нас с Давидом всё равно лучше, чем было у нас с ним, понял Аслан. И немного успокоился. И забылся работой.

А потом.

Потом.

Соседка сказала. Лицо Давида в телевизоре. Аслан набрал, поехал, в УВД, в СИЗО, в прокуратуру, в следственный комитет, к адвокатам, к другим адвокатам, в землячество – никогда бы к ним, но тут нельзя. И везде одно и то же. Одни и те же.

Он так и не попал к Давиду. Только в телевизоре. В интернете. Он купил такую штуку, приставку, записывать новости. Смотрел, смотрел, смотрел. Плакал.

А когда смог хоть немного соображать, пошёл к Спартаку. Спартак его помнил. Спартак всех помнит, в том-то и де-

ло. Скверно, сказал Спартак. Скверно, согласился Аслан. Я узнаю, сказал Спартак. Ты же знаешь, заверил Аслан. Нет, это ты знаешь, сказал Спартак.

Две недели он молчал, а на третью назвал цену. Тебе всё понятно, спросил Спартак. Понятно, отозвался Аслан. Тогда иди решай, разрешил Спартак.

Аслан вышел из ремонтного бокса и закурил, последний раз глядя на место, где долго числился мастером. Здесь не принято говорить «бокс», ребята называют его «цех». «Вышел из цеха». Но хлипкая дверь, которая от хлопка чуть не слетает с петель, низко нависшая кровля и сгрудившиеся вокруг раненные машины мешают поверить, будто здесь настоящее производство. Цех – это на комбайновом. Когда печь дышит вокруг себя смертельным жаром. Когда металл бежит в форму. Когда человек перед страшными механизмами – насекомая тля. А здесь...

Аслан посмотрел на небо, с которого сыпался дождь. Крупные капли-капсулы, задев лицо, лопались холодом. Нелепые картонные рекламолюди с воздетыми кверху руками, которых занесли во двор в надежде спасти, расплзались под массивной бомбардировкой – чья-то рука уже упала остальным под ноги.

Пока Аслан шёл до урны – он никогда не бросал окурков на землю, как делают многие, – промок насквозь. В «цехе» жил дежурный зонт, но возвращаться за ним не хотелось. Да

и вообще. Пусть лучше дождь.

Он ещё раз оглядел двор и шагнул в прямоугольную прорезь в бетонной плите. Миша её на ночь задвинет ржавой железной «занавеской» на колёсах. К ним и так никто бы не полез. Но вдруг какие-нибудь залётные...

Город почернел. Он почернел из-за ранней осенней ночи и расплывшегося по улицам едкого дымного неба. Если бы Аслан не знал маршрут наизусть, он никогда бы не нашёл в этом растёкшемся пейзаже дорогу. Теперь, правда, помнить будет не обязательно.

Остановившись у лавки под фонарём и зачем-то оглянувшись по сторонам – плохо было видно даже собственные ботинки, – Аслан достал из кармана деньги и ещё раз взялся их пересчитывать. Ничего не изменилось: по-прежнему мало. Вот эти бумажные Владивостоки – почти такие же далёкие и сказочные, как сам их город, в котором Аслан никогда не был и никогда не будет, – их при пересчёте становилось будто бы даже меньше. Приходилось откладывать по одному, и снова, снова.

Аслан поморщился от стыда и чуть не застонал. Но делать было нечего. Это всё. И даже ещё плюс деньги Сергея Николаевича.

Снова припустил дождь. Если так продолжится, улицы потонут и запаршивят – на них выскочат миллионы пузыристых прыщей, и им не будет конца и края.

Аслан пошёл быстрее – тут как раз под горку. Слева то и

дело взвизгивали проезжающие машины, похожие сквозь пелену на подсвеченные газовые облака. Он каждый раз на них оглядывался, отчего-то ожидая, что какая-нибудь внезапно затормозит в неположенном месте, вспыхнет мигалкой, и из неё высыпятся в смог одинаковые форменные костюмы.

Глупости, говорил себе Аслан. Спартак знает дело, всё нормально. Осталось совсем чуть-чуть. Нечего самого себя накручивать.

На Ленина полило насмерть. Аслан даже встал под первый попавшийся навес. Минут десять переминался, а потом всё равно зашагал дальше – нет времени на дождь. Ни на что неважное нет времени.

К дому он подошёл не только мокрый, но и окончательно замёрзший. Два раза неправильно набрал код на двери – никак не мог вынуть его из памяти и мучительно собирал воспоминание, как Светлана объясняет – его проще всего представить, как...

Всё же открыл.

Щёлкнул замком – звук в пустой квартире звякнул, как упавшая ложка об кафель. Прислушался. Больше ничего. Как и нет никого. А может, вправду уже нет никого?

Светлана лежала на одеяле, оставшемся от развалившегося при попытке его вынести дивана: сером, пятнистом, похожем на обрезок грязного ногтя.

Аслан стащил с себя мокрую толстовку, бросил её на пол, а сам сел рядом.

Ему было жалко будить Светлану. Аслан некоторое время сохранял неподвижность, глядя на её волосы, закрывающие сейчас, во сне, большую часть лица, слипшиеся в кукольный парик – тут же не помоешься нормально. Ничего, успокаивал себя Аслан, расплатимся, заберём детей – и к Валере. У Валеры такой дом... Там отмоемся. От всего этого.

Он никогда не видел Валериного дома. И всё же Аслан не сомневался: Валера приютит. Тут вообще не о чем думать. Главное – добраться.

Раньше Аслан из гордости не стал бы. Валера много о себе думает так-то. Ему кажется, что республиканский хореограф – это как мигалка на машину. Только можно ездить не по встрече, а по ушам – кто в чём козёл и как кому жить. Кто правильно воспитывает сына, а кто – говно на палке. И что он бы у таких родителей...

– Не суй свой нос! – сказал в конце Аслан брату, ударив кулаком в стену.

Валера только зло рассмеялся.

Но это тогда. Пока ещё ничего этого, в чём теперь живёт Аслан, не было. Когда соседи по Солонцам ещё не начали смотреть на него как на бомжа, по-тараканьи пролезшего в их тёплый угол, в автосервисе не стали держать за опасного психа, может, наркомана, который способен то ли зарезать, то ли обнести контору. Когда Давида ещё не запечатали в клетку на Свободном...

Светлана проснулась внезапно: дёрнулась, подскочила,

смела рукой волосы с глаз и стала с ужасом крутить головой, явно не узнавая место.

– Тише, Света, – стал успокаивать её Аслан вполголоса, – всё в порядке.

– Ой, – сказала та, прищурившись, словно от головной боли, – я что-то не соображу...

– Так и не надо.

Правда, не надо.

– Сколько уже? – спросила Светлана. – Мы же не опаздываем?

Они не опаздывали. Ещё 45 минут, а ехать тут от силы 15. Машина – старенький чёрный минивэн – под окном. Аслан одолжил его из прежнего сервиса пару дней назад. Хозяин придёт забирать «Ниссан» только через две недели. А за это время вэн скатается до Новосиба и обратно – Аслан договорился насчёт возвратного рейса. Приятель возьмёт груз «Икеи», чтобы порожним не мотаться, и вернётся, невеликое дело.

Светлана всё же вскочила и побежала искать какой-нибудь еды. Ей казалось, что Аслан хочет есть.

Аслан не хотел. Да и никакой особой еды в холодильнике не было. Светлана ещё не привыкла, что это не её холодильник. Это ведь даже не его холодильник, это холодильник сдавших им эту халупу клоунов. Впрочем, сейчас не важно.

Светлана опять спросила, хочет ли он есть, Аслан уже открыл рот повторить, что нет, нет и нет, но она не слушала.

Взялась рассказывать о девятом классе Анюты, спросонья то и дело останавливаясь, потеряв мысль.

– Чаю можно? – попросил Аслан, решив, что какая-нибудь деятельность всё же её отвлечёт. Сейчас не надо про Анюту. Ни к чему совершенно. – Чаю. У нас какой?

– А? – не поняла Светлана. – Какой? А, в смысле, чёрный или нет? Не знаю. Пакетики какие-то.

Она стала рыться в куче хлама, условно имевшего отношения к еде. К инфраструктуре еды, как мог бы сказать Асланов начальник Ерошук.

– Свет, ты же посчиталась?

Она опять несколько секунд непонимающе смотрела в сторону, потом кивнула. И потом ещё два раза – как будто убеждая кого-то помимо Аслана.

– А где? Сложить вместе хотел.

– Через десять минут.

Она сказала, придёт Володя. Какой ещё Володя? Почему через десять?

Аслан даже на несколько секунд решил, что Светлана ничего не сделала и только успокаивает его. И что это катастрофа. Конец. Что нужно тогда... Но она, догадавшись об этой мысли, криво улыбнулась:

– Это мой бывший, – пояснила она, – он сейчас придёт. Он пунктуальный. Единственное хорошее качество...

Он пришёл через восемь. Сказал, что Влад. Долго мялся, протягивать ли руку. Протянул. В другой руке у него была

сумка. Небольшая, почему-то рыжая сумка, в которой мог бы лежать ноутбук. Но в ней лежали деньги.

Пока Влад безразлично рассматривал квартирный антураж и вписанного в него Аслана, а Светлана предпочла исчезнуть в недрах клоунской квартиры, Аслан аккуратно пересчитал купюры.

Их было ровно столько, сколько Света и обещала, – 640. Света сдержала слово, хоть и продала квартиру дешевле, чем он. Откуда остальные Владивостоки, в очередной раз подумал Аслан. И в очередной раз смахнул эту мысль в сторону.

Хоть откуда. Главное, чтобы по плану. А план такой: они забирают Давида и Анюту и катят на подоконном «ниссане» до Новосиба. Там сдают машину, добывают машину (тут у Аслана были мысли, но пока без железных договорённостей) и гонят до Тарского. В Тарское, к Валере, за ними не придут. И потому, что Валера – известный хореограф, кто его обыскивать будет. И потому, что... просто не придут. Это же не та история, чтобы искать, да?..

– Ну, я пошёл, – сказал Влад, и Аслан не глядя кивнул. Ему было неинтересно, что и зачем этот Влад, раз он не отец Анюты.

Собрались быстро. Света села где-то сзади; может, поспит, подумал Аслан. Но вообще – какое там.

Ехали по Семафорной, вдоль бесконечных налезавших друг на друга заборов, ошетилившихся арматурой промышленных руин. Бетонные плиты, бетонные плиты, серый ра-

финад шлакоблоков, непонятно как выстоявшие грязно-жёлтые тополя, еле живой ЖД-переезд, приехали.

Спартак дважды пересчитал деньги, откладывая уже учтённое на край стола. Достал заранее приготовленные цветные резинки, стянул пачки.

– Это не всё, – сказал он наконец.

– Это пока всё, Спартак.

Спартак внимательно посмотрел на Аслана и ничего не сказал. Он только чуть отвёл раскрытую ладонь влево – мол, ну как знаешь.

Аслан кивнул.

– Что теперь?

Спартак пощипал бровь, выдернул волосок и положил его на стол перед собой. Спартак смотрел на него с таким ожиданием, будто волосок должен был вот-вот прорасти, разбить крышу конторы и устремиться вверх – в тот космос, который когда-то был.

– Послезавтра апелляция, – сообщил Спартак, – изменят меру пресечения, будет подписка. Ненадолго будет, оспорят. А дальше сам думай.

– Вы обещаете, что изменят на подписку? – всё же подала голос Светлана, хоть и договаривались, что она молчит.

Спартак усмехнулся. Покивал своим мыслям.

– Куда ты моё обещание положишь? – спросил он. Потом поднял глаза и добавил: – Всё сделаю.

Аслан чуть не разрыдался. Ему захотелось броситься к Спартаку и поцеловать тому руку. Пообещать, что он отработает. Отыщачит. Что всю жизнь, если что...

Спартак всё это и так понял. Кивнул:

– Иди пока.

Задрали

Следующие два дня Аслан не запомнил. Они были похожи на гриппозный бред, в который ты занырнул, когда чуть прилёг на диван, а вынырнул уже ночью: в поту мятого рабочего комбеза, с поролоновыми ногами и отчаянно фонящей головой. Открывай глаза, закрывай – всё одно, гнойные сновидения плещутся за висками, заслоняя от тебя всё остальное грязной тошнотворной плёнкой.

Он впервые за многие годы, может, даже со школы, считал минуты до окончания часа. Вот сейчас ещё 14 минут, и уже останется три дня и пять часов. А это уже недалеко до четырёх. А потом будет три... Параллельно Аслан старался подбадривать Светлану: на автомате улыбался, пробовал готовить автоматический – это и по вкусу стало понятно – борщ, что-то такое безобидное рассказывал про детство Давида. А больше всего этого – слушал. Светлана – худая, коротко стриженная, с огромными чёрными глазами на загорелом, даже, скорее, выгоревшем лице – бродила из угла в угол. Она всё время смотрела в какую-то невидимую точку – и говорила, говорила, говорила.

Что у Анюты слабые почки. Надо будет после СИЗО показать урологу. У неё есть здесь хороший. А там есть хороший уролог?

Что Анюта до 11 лет боялась одна переходить дорогу. Да-

же на зелёный. Она иногда ночью прибегала, плакала, что её собьёт машина. Несколько раз видела сон. Так что и учиться водить отказалась.

Что у Анюты есть подруга из Австралии, они чёрт знает сколько переписываются. Карен. Такая смешная полноватая девчонка в очках... Анюта тоже полноватая немного... была. И вот Карен звонит Светлане, спрашивает. Говорит, приезжайте к нам. Может, правда к ним, а? Хотя деньги. Да, деньги. И так далеко, мама дорогая. Но Анька была бы счастлива.

И в школе, в 6–7 классе она забрала её на домашнее обучение – там не почки, там внутричерепное. Ну, долго не понимали, а потом говорят: внутричерепное. Обмороки, голова сильно кружится. Могла неделю пролежать, вообще не вставая. Испугалась, конечно. Но вроде отошло потихоньку. А сейчас...

– Света, – сказал Аслан, – просыпайтесь, поехали.

Это была тоже автоматическая функция проговаривания записанных неизвестно на что слов.

Сознание вспышкой вернулось к Аслану только в суде. Кто-то принялся кричать, и его стали выволакивать из зала. Аслан повернул голову, но так и не успел опознать конвульсивное тело на полу. Наверное, из других родителей.

Он ещё покрутил головой, пытаясь разобраться, что к чему, и в этот момент его больно схватила за руку Светлана. Она заливалась слезами и что-то говорила шёпотом. Гром-

ким шёпотом. Таким нестерпимо громким, разъедающим всё вокруг себя шёпотом.

Аслан никак не мог сообразить, к чему всё это.

В другом конце зала встала похожая на чумного доктора судья. Каркнула, поёжилась чёрным балахоном, порхнула к выходу.

Аслан заморгал, потому что ему показалось, что другие в чёрном ведут под руки Давида.

Опять показалось. Нет, всё, ушли. Больше ничего.

Только Светлана корчится на скамейке, и чёрные нехотя идут и в её сторону.

Аслан открыл глаза. Аслан наконец понял.

Он сгрёб Светлану в охапку и практически понёс её к выходу.

За столом, сложив перед собой руки ладонями кверху и разглядывая их, как будто впервые увидел, сидел человек.

Аслан узнал его по неопрятной лысине с жидкими волосами, завихрениями то тут, то там. Этот же лысач стоял у входа, когда Аслан со Светланой приехали к Спартаку в прошлый раз. Он ещё отметил тогда у него кобуру поверх жилетки – как в ковбойском фильме.

– Здравствуй, – сказал Аслан с порога.

Человек оставил руки лежать как есть и посмотрел в сторону говорившего. Кивнул – в значении «и что?». Не узнал.

– Я к Спартаку.

– А-а, – сказал человек, не заинтересовавшись, разглядывая собственные шевелящиеся пальцы. – Нет его теперь.

Аслан чего-то подобного и ожидал. Он сделал угрожающий шаг вперёд. Этого лысача, если надо, он разберёт. Легко разберёт.

– Как так нет?

– Никак, – сказал человек, не обращая на напрягшегося Аслана внимания, – задрали.

Аслан только оскалился. А человек – без неприязни, без удивления – просто пожал плечами.

– Ну, сам сходи.

Дверь кабинета была приоткрыта. Аслан толкнул, и она с завыванием отлетела в сторону. Аслан сгруппировался, ожидая удара откуда угодно, но удару прийти было решительно неоткуда. Спартак, ставший кучкой засаленных тряпок, лежал на полу. Маленький, подумал Аслан, какой он, оказывается, маленький.

Аслан осторожно, оглядывая стены и держа боковым зрением коридор за спиной, сделал несколько шагов, наклонился и посмотрел в лицо бывшего Спартака. Лицо и лицо. Плечи и плечи. Шея как шея. Рубашка с короткими рукавами. В горошек. Крови только много. Видимо, несколько раз с замахом. И потом руку левую. Может, пробовал заслониться? Пальцы-то на месте?

Пальцев не было. Трёх на левой, начиная с мизинца. И, похоже, ещё на ногах, там тоже кровь.

Аслан помотал головой. Сжал кулаки, врезал самому себе по зубам.

Гады! Га-а-а-ады!

Бросился к столу, ящики не заперты, бумаги, бумаги. И в другом тоже. И вот этот сейфовый...

Вошёл лысач. Без угрозы, почти расслабленно.

– Ничего нет, – сказал он устало. – Даже если и было, нет уже.

– Как его задрали? Когда?! – заорал Аслан.

– А я знаю? – удивился лысач. – Сейчас менты приедут – можешь спросить. Но лучше сваливай отсюда, пока не загребли. Денег, поди, ему дал, да? Забудь.

Аслан чуть не бросился.

Лысач отшатнулся и схватился за свою кобуру.

– Ölüm! – закричал он. – Ölüm-ölüm!²

Он попытался собрать лицо из тех обломков, в которые превратилось всё вокруг, но, видимо, мало что получилось, потому что при виде Аслана Света сразу же заплакала.

Он в зомби-режиме загрузился в машину, не обращая внимания на её слова и руки, летевшие в него. Повернул ключ, нажал ногой на педаль, и вэн рывком выскочил из гаражей. «Ниссан» поскакал по оврагам промзоны, рваным проволочным линиям, брошенным трубам, битому кирпичу. Не разбирая дороги, будто сзади напирала толпа киношных

² 1) Смерть; смертельный. (азерб.). 2) То (тот), что (кто) ведёт к смерти. (азерб.).

мертвецов. Мертвецы настоящие, напротив, никуда не торопились и уже не поторопятся. Они лежат там, в гаражах, и ждут своих мертвецеведов.

Светлана продолжала что-то кричать, биться о стекло, пыталась распахнуть дверь. Аслан же внезапно выключился – и без особого интереса наблюдал за собой как бы со стороны.

Вот он – седой старик сорока трёх лет – сидит за рулём и упирается взглядом в автомобильное стекло. Вот он же – ещё лет на пять старше – гонит что есть мочи по 60 лет Октября с тайной надеждой, что какой-нибудь лесовоз или другой большегруз неловко попятится, вывалит на полосу Аслана свой нелепый зад, и времени принять его во внимание уже не останется. Хлоп-хлоп. Но лесовоза всё нет.

А вот кто-то, только отдалённо похожий на Аслана – неопределённого возраста и со смазанным перекошенным лицом – сидит на камне около бегущего тонкой струйкой ручейка. А рядом с ним, по-турецки поджав под себя ноги, раскачиваясь и что-то тихо напевая, – Светлана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.